

АЛЕКСАНДР МАЗИН АННА ГУРОВА

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

МАЛЬШКА И КАРАССОН

МУМИЯ
И ТРОЛЛЬ

Малышка и Карлссон

Александр Мазин

Мумия и Троль

«Автор»

2012

Мазин А. В.

Мумия и Троль / А. В. Мазин — «Автор», 2012 — (Малышка и Карлссон)

Загадочная статуя прибыла в Эрмитаж. Дар тайского короля президенту России. Вот только документы оказались поддельными, а сама статуя не имеет ни малейшего отношения к Востоку. Но пока об этом знают лишь те, кто прислал артефакт. Та же, кого в будущем действе назначили на главную и трагическую роль, об этом и понятия не имеет. Ее зовут Катя Малышева, она студентка Университета, хозяйка сыскного агентства, наследница изрядного состояния. Чистая, юная, очаровательная... Кстати о чарах. Чары на нее не действуют. Разве что чары любви... Встречайте: третья книга о Малышке, Карлссоне и их друзьях – «Мумия и троль!»

© Мазин А. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	26
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Глава шестая	43
Глава седьмая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Мазин, Анна Гурова

Мумия и тролль

Пролог

Хоронят эльфа. Несут хрустальный гроб, всё торжественно, скорбная процессия... Позади – увязавшийся в ожидании халявы тролль.

Сердечный друг покойного причитает: бедный, бедный Анохрениэль! Зачем ты уходишь он нас туда, где холодно, темно, грязно и сыро?..

Тролль останавливается, бормочет обеспокоенно:

– Чё-то я не понял: его что, ко мне домой несут?

На них заглядывались. Сотрудницы аэропорта, стюардессы, пассажирки и даже некоторые пассажиры. Не удивительно. В реальной жизни им подобные если и существуют, то прячутся за занавесками бизнес-класса. Их место – обложки «глянцев». Или – японские комиксы. И, само собой, – девичьи мечты. Но уж никак не эконом-класс рейсового «боинга».

Однако следует признать, что и в этой совершенно обыденной ситуации оба воплощения девичьих грёз вели себя совершенно естественно. То есть полностью игнорировали восхищенные взгляды и призывные улыбки. Один из эталонных красавцев, лет двадцати пяти с виду, в гламурных темных очках, большую часть полета просидел, уткнувшись в ноутбук и занавесив длинными золотисто-рыжими волосами узкое породистое лицо. Лишь время от времени он нервно вскидывал голову, поворачивался к иллюминатору и замирал, демонстрируя всем желающим великолепный профиль.

Спутник рыжего вел себя куда спокойнее. Мужественный брюнет с кожей бледной, как мрамор, и неестественно алыми, будто выпачканными свежей кровью губами, он почти весь перелет от Лондона до Санкт-Петербурга продремал в кресле. Не пошелохнувшись. Будто и впрямь был мраморным изваянием, что еще больше усиливало его сходство с мраморным изваянием. Тем более, что сложен брюнет был ничуть не хуже тем, с кого ваяли античных героев.

Самолет вошел в низкое облако. Одновременно раздался мелодичный звуковой сигнал. Под потолком загорелись надписи «пристегнуть ремни».

Черноволокный открыл глаза, поглядел в иллюминатор. Ничего интересного, кроме туч, не увидел.

– Наш самолет производит посадку в аэропорту «Пулково», – послышалось из динамиков. – Просим вас пристегнуть ремни безопасности и не пользоваться мобильными телефонами... Температура за бортом...

Длинные пальцы рыжеволосого все так же бегали по клавиатуре.

Его запястья украшали браслеты из нескольких ниток драгоценных камней.

«Сколько они могут стоить? – подумала проходившая мимо стюардесса. – Миллион? Если, конечно, камни настоящие...»

– Будьте любезны, пристегните ремень и выключите ноутбук! – произнесла она по-английски.

Рыжеволосый поднял голову, чуть сдвинул очки, процедил: «Он выключен», и вновь застучал по клавишам.

Стюардесса застыла. Лицо у нее на миг стало глупым-глупым.

– Извините, – пробормотала она и пошла дальше.

В салоне погас свет. За стеклами поплыли тусклые пригороды Петербурга, нитки шоссе с ползущими машинками. Всё – в мутной дымке городского смога. Хотя до заката было еще далеко, повсюду уже мерцали россыпи огней.

– Почему так темно? – проговорил рыжеволосый, глядя на проплывающие внизу поля сквозь темные швейцарские стекла. – Четыре часа пополудни...

– Осенью и зимой тут всегда так, – отозвался брюнет флегматично. – Сумерки, холод и грязь. Привыкай.

Снять очки он своему спутнику почему-то не предложил.

Рыжеволосый снова глянул вниз, и его передернуло от отвращения.

– Так вот как выглядит Мордор! Страна вечной ночи... Кто бы подумал, что однажды я добровольно отправлюсь сюда? Одинокий воин против полчищ мрака...

Его произношение было безупречно. Любой английский аристократ признал бы в нем своего.

– Почему это одинокий? – не открывая глаз, поинтересовался брюнет. – А я?

– Ты? – Губы рыжеволосого презрительно искривились. – Ты – слуга!

Брюнет промолчал.

Рыжеволосый откинул с лица длинную прядь, нахмурился и полюбовался собственным отражением в стекле.

– Теперь я знаю, что чувствовали мои далекие предки, отправляясь на битву с Врагом. Непросто сохранять твердость духа, покидая цветущие берега и зеленые холмы родины ради мрачных пустошей, населенных отвратительными ночными чудовищами вроде огров...

Он содрогнулся и резким движением опустил пластиковую шторку.

Брюнет чуть заметно усмехнулся.

– Тебе-то наплевать! – сердито заявил его спутник. – Это ведь не твоего отца здесь убили!

– Можно подумать, Лу, ты его нежно любил, – лениво произнес брюнет.

Рыжеволосый резко, по-птичьи обернулся:

– Не забывайся, ведьмино отродье! Я любил отца! И не задумываясь, умер бы вместо него!

– Надо же, какие мы преданные, – пробормотал брюнет, отводя взгляд. – И великие. В Мордор он летит, как же! Там внизу всё не так мрачно, как тебе кажется. Людям, которые здесь живут, этот город нравится.

– Червям нравится жить в дерьме. Но я тебя понимаю. Это ведь твоя родина.

– У меня больше нет родины, и ты это прекрасно знаешь! – в голосе собеседника чувствовалась боль.

– Так уж и нет? – издевательски-насмешливо произнес Лу. Похоже, он был рад, что задел своего спутника. – А как же любимые помойки-переулки, где прошло твое детство... Прыщавые дружки-подружки? Неужели при встрече в груди сердечко не трепыхнется, а, Тэм?

Брюнет вздохнул. Его глаза, глубокие, трагически запавшие, словно обведенные темной полосой, настоящие глаза трагического героя с обложки «глянца», не смотрели на собеседника.

– Мое сердце? – повторил он. – Если оно и трепыхнется, то уж точно не в груди. А друзья? Что у меня теперь с ними общего?

– Наше общее дело! – строго произнес Лу. – Посмотри! Это сайт вашего Эрмитажа, раздел временных выставок. Интересно, да?

На экране крупным планом – фарфоровое лицо с раскосыми, плотно закрытыми глазами. Сквозь бледную кожу просвечивал бледно-зеленый, очень сложный узор.

– Хороша, верно?

Черноволосый атлет пожал плечами.

– Да ты никак некрофил, старина Лу?

И снова усмехнулся. Он не только справился со своими чувствами, но еще и сумел задеть спутника.

– Не забывайся! – прошипел рыжий красавец. – Если бы я был некрофилом, ты бы узнал об этом первым!

– Вот это верно, – брюнет остался невозмутим. – Но и тебе следует быть поскромнее, Лу. Мы с тобой всего лишь сопровождаем багаж.

– Ошибаешься, – ухмыльнулся рыжеволосый. – Это я сопровождаю багаж. А ты – его часть!

Тэм пожал широкими плечами и отвернулся.

Рыжеволосый потрепал его по колену.

– Ну-ну! Ты что, обиделся? На правду не обижаются! Не дуйся, приятель! Давай лучше выпьем!

И втопил вызов стюардессы.

– Виски мне и моему другу, – потребовал он.

– Нельзя! Через двадцать минут...

– Ну так поторопись, – ласково-угрожающе произнес Лу.

И стюардесса умчалась.

– Фу! – скривился рыжеволосый, пригубив виски. – Ну и пошло! Одного глотка достаточно, чтобы отравиться. Но ты пей, Тэм, тебе уж точно не повредит.

– А толку? – равнодушно произнес брюнет. – Ты же знаешь: на меня не действует.

– Пей! Тебе полезно. Спирт консервирует. – Он засмеялся. – Я слышал от деда, в такой бурде северяне перевозили головы врагов. Пей, я сказал!

Тэм пожал плечами и разом проглотил виски.

Лу полез в карман, чтобы расплатится. Доставая кредитку, проворчал:

– За эту дрянь надо не платить, а брать деньги...

– Отличная идея!

Лу захохотал. К нему снова вернулось хорошее настроение.

Из самолета они вышли первыми. Как так получилось, непонятно, потому что летели они не в бизнес-классе.

На паспортный контроль они тоже прошли без очереди.

И багаж, пару фирменных сумок и длинный, черный, похожий на дорогой гроб на колесиках чемодан, получили без проблем.

А вот дальше вышла заминка. Посреди «зеленого коридора» красавцам преградили дорогу два сотрудника таможни.

– Господин Элвин? – обратился старший к рыжеволосому на плохом английском. – Уделите нам несколько минут...

И алчно покосился на драгоценные камни на запястьях рыжеволосого.

– Говорите по-русски, – предложил Тэм. – Я переведу.

– Вы русский? – оживился таможенник.

– Нет, – ответил тот без малейшего британского акцента. – Я появился на свет в Уэльсе.

Но языком владею.

– Вот как? Можно на секунду взглянуть на паспорта?

– Что надо этому туземцу? – поинтересовался Лу.

Произношение у него было настоящее, английское, поэтому таможенник ничего не понял.

– Денег хочет, – пояснил Тэм на том же диалекте и протянул таможенникам паспорта.

– Ему не повезло, – ухмыльнулся рыжеволосый. – У меня нет при себе туалетной бумаги.

Таможенники внимательно и с большим подозрением изучали британские документы. Но не находили, к чему придраться. И это было странно, потому что фотография в паспорте брюнета была мало похожа на оригинал.

– Какова цель вашего визита? – наконец изрек старший.

– Бизнес, – сказал Тэм. – Господин Элвин намерен принять участие в частном выставочном проекте.

Он покосился на Лу и добавил:

– Господин Элвин также намеревается ознакомиться с достопримечательностями Петербурга.

– А вы? – спросил таможенник.

Второй все не спешил расставаться с паспортами. Молодые англичане чем-то интуитивно ему не нравились. Особенно этот темноволосый – слишком бледный, и губы красные, словно крови напился. Вдобавок, выглядел старше указанного в паспорте возраста. И на фото не очень похож... Но ведь пограничники пропустили...

– Я ассистент и переводчик господина Элвина.

Таможенник кивнул, вполголоса о чем-то посоветовался с коллегой и повернулся к англичанам.

– Пройдемте. Мы хотим досмотреть ваш багаж.

– What's happened? – спросил англичанин таможенника.

На этот раз таможенник понял.

– Несколько вопросов по вашему багажу, – ответил тот, приняв суровый официальный вид.

– А может, и нет никакого багажа? – произнес Тэм, вопросительно глядя на Лу.

– Не стоит, – ответил блондин.

– Тебе виднее.

– Надеюсь, не поцарапают чемодан? Он совершенно новый!

Лу ослепительно улыбнулся представителям закона, после чего вытащил из нагрудного кармана узкие темные очки и нацепил их на переносицу.

Одна из боковых дверей привела в небольшой зал без окон, зато с металлической дверью, запертой на сложный кодовый замок. Внутри не было ничего, кроме широкого стола.

Тэм водрузил на него чемодан.

– Откройте! – велел таможенник.

Тэм открыл.

Оба таможенника изумленно уставились внутрь большого черного чемодана.

– Откуда они летят? Из Хитроу? – вполголоса произнес младший. – Не понимаю, как *это* пропустили на борт.

– Это же не бомба, – резонно ответил старший.

– Господин Элвин, это ваш багаж?

– Yes.

Ответ последовал раньше, чем вопрос был переведен и таможенник с подозрением поглядел на Элвина. Но потом сообразил, что понять было нетрудно.

– Вы не хотите предоставить нам какие-нибудь объяснения по поводу содержимого вашего чемодана?

– What does this idiot want¹?

– Господин таможенник желает знать, что это такое? – по-английски произнес Тэм.

– Is he blind? Explain them.²

¹ Что нужно этому идиоту?

² Он слепой? Объясни ему.

– А что вас смущает? – спросил Тэм таможенника.
– Вот это! – Таможенник ткнул пальцем в нутро чемодана. – Не похоже на личные вещи, верно?

Он был прав. Содержимое чемодана на личные вещи действительно не походило. Чемодан был доверху полон пожелтевших костей, аккуратно проложенных холщовыми лоскутами.

Тэм ослепительно улыбнулся:

– Очень точно подмечено.

– Почему вы не указали *это* в декларации?

– А зачем? Это не оружие и не наркотики.

– What's wrong?³ – поинтересовался Лу.

– Ничего особенного! – саркастически ответил старший таможенник. – Кроме того, что вы ввозите человеческие останки.

– Останки неустановленных лиц, – сказал более молодой. И пересчитав черепа, уточнил:
– В количестве трех штук.

– Это запрещено? – Тэм добродушно улыбнулся.

Таможенники переглянулись.

– Ну, строго говоря... – таможенник медлил, прикидывая, сколько можно слупить с богатеньких англичан. Судя по камешкам на руках рыжего – очень даже немало. – Если у вас есть *правильно* оформленные сопроводительные документы, то требуется разрешение Санитарной службы. Это можно организовать...

– А зачем нужно разрешение Санитарной службы? – поинтересовался брюнет.

– Если у вас есть должным образом оформленные свидетельства о смерти... – начал старший таможенник.

– С указанием причины смерти, – подхватил младший.

– Переведенные на русский язык и заверенные российским нотариусом... – продолжал старший. Они уже несколько лет служили вместе и неплохо сработались.

– Свидетельства о смерти? – Тэм улыбнулся еще шире. Вернее сказать, оскалился, демонстрируя отличные белые зубы. – Зачем?

– То есть как зачем? А...

– По-моему, здесь нет никаких останков.

– То есть это не человеческие скелеты, а всего лишь их имитация, верно? – Таможенник понимающе улыбнулся.

– Совершенно верно.

– В таком случае, размер пошлины составит... – Таможенник запнулся. – Четыреста евро! – Окинул взглядом костюм Лу и уточнил: – За каждый, хм, образец. Итого тысяча две-сти! – и поглядел на младшего: во, как я ловко!

– They want one thousand two hundred euros, – перевел Тэм.

– Я понял, – по-английски ответил рыжеволосый. – Может, засунуть эти кости им в задницы?

– Это было бы неуважением по отношению к твоим... подружкам, – насмешливо произнес брюнет. И, по-русски:

– Боюсь, господа, вы неправильно поняли. *Это не человеческие скелеты!*

Лу с безмятежным видом запустил в чемодан руку и выудил из груды тряпья аккуратный череп, похожий на бильярдный шар.

– Look, – сказал он, подбрасывая череп на ладони.

Череп бодро щелкнул зубами.

Лу быстро заговорил по-английски.

³ Что не так?

– Господин Элвин говорит: взгляните на височные кости этого черепа и на его лицевой угол, – перевел Тэм. – И главное – на зубы.

– И что зубы?

– Приглядитесь, пожалуйста.

Таможенник окинул цепким взглядом оскаленные челюсти. И вдруг воскликнул:

– Не может быть!

Представители власти дружно уставились в рот черепу. Младший таможенник даже засунул туда палец и едва успел его отдернуть, когда челюсти с хищным стуком сомкнулись.

Потом старший таможенник задал резонный вопрос:

– Чей это череп? – в его голосе лязгнул металл. Он не собирался упускать такой сочный кусок. – Если животного, то тем более требуется...

– О, мой Бог! – Брюнет по-актерски всплеснул руками. – Где вы видели животных с таким объемом черепа! Это, господа, artwork, произведение искусства.

Тэм достал из бокового кармана чемодана папку с документами, извлек один и протянул таможеннику.

Бумага была солидная, гербовая, с внушающим уважением набором подписей и печатей.

– От министерства культуры, – растерянно проговорил таможенник, быстро пробегаая документ глазами. – Официальное разрешение на ввоз!

У младшего был вид ребенка, обнаружившего, что большая и очень красивая конфета – пластиковый муляж.

– Мы – сотрудники выставочного проекта, – сообщил Тэм. – Сопровождаем экспонаты.

– Это – экспонаты? – скривился младший таможенник. – Это надругательство над... – Тут старший тронул его за плечо, и младший умолк, не сказав лишнего. Ясно было, что евро уплыли безвозвратно.

– Слово «инсталляция» вам что-то говорит? – высокомерно спросил Тэм. – А «перформанс»?

– Вы бы еще кучу сушеного дерьма привезли! – пробурчал младший.

– Непременно привезем к следующей выставке, – пообещал Тэм.

– Конечно, – проворчал таможенник с неприязнью. – Из России – Фаберже и Янтарную комнату, в Россию – дерьмо и обглоданные мослы...

– И все-таки, – старший таможенник, как бультерьер, вцепившись во что-нибудь, с большим трудом разжимал челюсти. – Я вижу разрешение на ввоз, но не вижу документации по выставке от принимающей стороны!

Пусть не шутку, но пару сотен он из этих англичан вынет. Черт! С виду богатеи, а такие жадные!

– Он меня достал! – произнес Лу. Оттопырил средний палец и сунул под нос таможеннику.

– Вот моя документация!

– Так-так... – таможенник внимательно изучил палец и разочарованно изрек:

– Все в порядке.

Младший глядел на него, выпучив глаза.

– Больше мы вас не задерживаем.

– Минуточку!

Младший сделал движение, попытавшись перехватить Лу, но тот вдруг неуловимо быстрым движением сцапал таможенника за воротник. Молодой и с виду крепкий таможенник беспомощно затрепыхался. Аристократически изящные руки англичанина оказались удивительно сильными.

Старший глядел на эту сцену совершенно равнодушно. Так, словно душить таможенников – это в порядке вещей. Младший обмяк и беспомощно смотрел на оскаленные зубы англичанина. *Они были точно такими же, как зубы черепа!*

– Relax, Llu! Please don't kill this dirty policeman!⁴ – вмешался брюнет.

– You bloody mortal! – прошипел блондин.

Но пальцы разжал.

– Господин Элвин благодарит вас за теплый прием, – торжественно произнес Тэм. – И приглашает вас на открытие нашей выставки через две недели в Эрмитаже...

– Спасибо, мы очень признательны, – не менее торжественно ответил старший таможенник.

– Какого хрена?! – просипел младший, растирая горло. – Вы что творите, психи?

...За что удостоился осуждающих взглядов Тэма и собственного начальника.

Лу подошел к двери и дернул ее на себя. В замке что-то хрустнуло, и дверь открылась, выпуская англичан.

– Ты, блин, спятил! – свирепо прохрипел младший. – Он же меня чуть не задушил! Сколько он тебе дал?

– Ничего! – буркнул старший. – И помело придержи! Никто тебя не душил!

– Да ты... Да только что... – Младший не находил слов. – Ты ослеп, что ли?

– Да не было ничего! – тоже взъярился старший. – Или у тебя крыша съехала?

– Да... Ладно, – внезапно успокоился младший. – Давай посмотрим запись.

– Нет, ты точно сбрендил! – воскликнул старший. – Я что, по-твоему, лох – оставить камеру включенной? Ладно, пошли. Этак мы и на пиво не заработаем!

⁴ Расслабься, Лу! Не стоит убивать этого грязного полицейского!

Глава первая Любовь мертвеца

*«Хотите, чтобы ваш тролленок всегда оставался маленьким, пушистым и неагрессивным? Обращайтесь к нам!»
Эльфийское общество таксидермистов*

На лекцию Катя опоздала. Ездила по чиновникам с юристом Коли Голого. Процесс регистрации детективного агентства был в самом разгаре и процесс этот оказался невероятно хлопотным и скучным. Во всяком случае на взгляд Кати. Лейке вот вся эта суета нравилась. Но ходить по инстанциям в дорогом костюме (вместо любимых джинсов и кроссовок) и подписывать бумаги приходилось Кате. «И зачем они все это затеяли? – иногда думала она с тоской. – Ну ничего, вот зарегистрируемся, а потом пусть занимаются агентством сами! Только ради Карлссона...»

В «коридорах власти» ее подташнивало. Здесь царил липкая атмосфера жадности, наглости и подобострастия. Согбенные просители и мордастые хозяева кабинетов... Кате не приходилось стоять в очередях. Молодой шустрый юрист плавал в этом отхожем месте, как головастик в луже, обещая со временем стать такой же жирной бородавчатой жабой, как и эти чиновники. Кате юрист был так же противен, как и те, кто ставил печати и подписи. Несмотря на ухоженный вид и спортивную фигуру, юрист был таким же гнусным: алчным, наглым, похотливым... Нет, он не позволил себе ничего лишнего, но даже от его взглядов на коже появлялось ощущение липкой слизи...

Только здесь, в просторной светлой аудитории на втором этаже здания Британского Совета, Катя наконец смогла вздохнуть полной грудью.

Тут было почти как на филфаке. Только вместо пластиковых жалюзи на окнах шторы, вместо выщербленного паркета – ковролин, а место исцарапанной зеленой доски занимал белый экран в полстены.

Сейчас рядом с экраном, на кафедре, стоял толстенький пожилой дядечка, о котором Кате было сказано, что это – широко известный переводчик и литературовед. Широко известный в узких кругах, надо полагать. Но – забавный. Ухоженный, в зеленом костюме и желтом галстуке, он напоминал Кате аристократичную, чисто английскую лягушку. Мысленно Катя сразу прозвала его Мистер Жаб. По доброму. Уж больно похож оказался дядечка на персонажа из «Ветра в ивах». Жаб-чиновников дядечка напоминал разве что круглым животиком. Приятным голосом, улыбаясь по поводу и без, знаменитый литературовед рассказывал о текстологических и библиографических исследованиях, архаизмах, диалектизмах, и прочих совершенно бесполезных в жизни, но безумно увлекательных и милых сердцу каждого истинного филолога вещах.

Темой семинара была Катина любимая тема: особенности перевода староанглийской поэзии.

Аудитория была устроена на старинный манер – амфитеатром. За длинными полукруглыми столами сидели переводчики: главным образом тетки интеллигентного вида на разных степенях увядания – от тщательно замаскированного до неприкрытого. Катя чувствовала себя одинокой ромашкой, неожиданно распутившейся в октябре на увядшем газоне.

«Неудивительно, что все на меня так косятся, – подумала Катя. – Наверняка гадают: как занесло такую соплюшку на собрание серьезных людей».

По инерции Катя всё еще считала себя наивной провинциалкой. А может, она и была такой, несмотря на фирменный костюмчик и искусную прическу, сооруженную с Лейкиной

подачи. Правильно, в общем. К чиновникам в джинсах не ходят. Тем более, с таким юным личиком, как у Кати.

Катя честно старалась понять, о чем вещает лектор. То есть продраться сквозь лес специальных терминов. И в общем получалось. Но – с трудом.

Дамы дружно смотрели в рот Мистеру Жабу и преданно хихикали над каждой его шуткой, даже тогда когда он, как казалось Кате, вовсе не шутил.

Из общего осеннего формата, кроме Кати, выпадал только один слушатель. Единственный, кстати, мужского пола.

Парень сидел в сторонке, на отшибе, и на фоне филологических тетушек выглядел еще страньше, чем Катя. Долговязый, длинноволосый, в треснутых очках и застиранной футболке с подозрительной надписью «Saint-George Harrison», он казалось, был занят лишь тем, куда девать свои длиннющие конечности. То подогнет, то вытянет так, что драные кроссовки вылезут из-под стола.

Катя сразу ощутила к парню невольное расположение. И он, видно, это почувствовал: поймал ее взгляд и нахально подмигнул.

Катя немедленно сделала строгое лицо и отвернулась. Вот еще, не хватало!

– ...А теперь, когда вводная теоретическая часть закончена, – наконец объявил мистер Жаб. – Немного практики.

Он зашуршал листками бумаги, раздавая их переводчицам.

– Уважаемые коллеги, сейчас мы испытаем свои силы в переводе этого замечательного образчика староанглийской народной поэзии. Баллада впервые была записана в середине восемнадцатого века, но ее сюжет, несомненно, гораздо древнее. Он существует как минимум в семи вариантах...

Катя взглянула на свой листок и едва сдержала смех. Нет, эти баллады ее определенно преследуют! Впрочем, не удивительно. Пойти на семинар ей предложила редакторша из издательства «Дельта – Плюс», которая все не теряла надежды сделать из Кати профессионального переводчика. Хотя Катя ясно намекнула ей, что она нынче студентка филфака, денег хватает, и вообще «всё в шоколаде», как говорит Лейка.

Тетка не спорила, но – не отставала.

– ...итак, приступим, – заявил Мистер Жаб. – Начнем с названия. «The sweet ghost». Ваши предположения?

Дамы дружно уткнули носы в свои распечатки.

– «Сладкий призрак», – тут же заявила дама в очках.

– Ни в коем случае! – отрезал Мистер Жаб. – Уходим от буквализмов!

Дама так сконфузилась, что Кате даже стало ее жалко.

– «Милый дух»! – предложила Катина соседка, тощее существо с рыжими волосами.

– Уже лучше...

– «Дружелюбное привидение», – пробормотала Катя тихо, но лектор услышал.

– Как-как?!

– Ничего. Это я так, шучу. – Катя покраснела.

– А-а-а... – Мистер Жаб взглянул на нее настороженно. – В данном случае «sweet» несомненно переведем как «любимый» – ибо речь в балладе пойдет, как мы все уже поняли, о любви. Я предлагаю остановиться на рабочем названии «Любовь мертвеца»...

У Кати неожиданно пробежали по коже мурашки. Словно дунул холодный ветер.

Что такое, удивилась она. Сквозняк? Форточка открыта? Девушка бросила взгляд в сторону окна. Снаружи уже темнело. За кремовыми шторами – сырая осенняя мгла.

Катя представила, как будет идти домой, плутая по незнакомым закоулкам в районе Литейного проспекта, и содрогнулась еще раз.

Заказать такси ей в голову не пришло. Она всё никак не могла привыкнуть к тому, что деньги можно не экономить. – Простите, – пискнул кто-то с задних рядов. – Любовь мертвеца? Это в каком смысле?

– Дело в следующем, – охотно пустился в разъяснения Мистер Жаб. – Данный сюжет – популярнейший в раннем средневековье. Как ни удивительно, средневековые любовные баллады на самом деле вовсе не о любви, а о бедах и злоключениях, которые неизбежно преследовали влюбленных в те суровые времена. В свое время, составляя антологию любовных баллад, я предложил сгруппировать баллады по видам несчастий, обрушившихся на героев... – Мистер Жаб ухмыльнулся, и аудитория преданно захихикала.

Но как оказалось, дядечка литературовед не шутил.

– Клановая и семейная рознь, война, ненависть, ревность, похищения эльфами, убийства, – с удовольствием перечислил он. – Не последнее место занимало вмешательство потусторонних сил. Чаще эти силы, как вы понимаете, пакостили, но бывали и исключения. К таким исключениям относится и баллада, которую мы разбираем. Ее тема возвышенна и трогательна: любовь, которая сильнее смерти. Обет, который гибель одного из участников вовсе не отменяет.

– Как романтично! – вздохнула пышноволосяя дама в очках. – Весьма, – кивнул Мистер Жаб. – Но любовь мертвеца еще и опасна. А чем именно, уважаемые дамы, мы сейчас совместно выясним...

Головы переводчиков дружно склонились к своим листкам, и в аудитории зазвучал хорошо поставленный голос Мистера Жаба, размеренно читающий строки на языке, лишь отдаленно напоминающем современный английский...

А у Кати вдруг мороз прошел по коже. Уже не дуновение холода, а настоящий ледяной шквал.

Ярко освещенная аудитория поблекла. Голос Мистера Жаба угас, звуки отдалились. Все стало серым, девушке померещился отчетливый запах тины. Как будто она не в Британском Совете, а то ли на ирландском болоте, то ли на шотландском кладбище, и под ногами жухлая трава и зыбкая грязь. Кате отчетливо привиделся огромный могильный холм... Почему-то с дверью. Маленькой деревянной дверью. Которая медленно и бесшумно открылась. За ней была темнота. А из этой темноты медленно выплыли две призрачные фигуры. Одна – с золотистыми волосами. Другая – с черными...

Катя глубоко вздохнула, крепко зажмурилась и потрясла головой... И вернулась в аудиторию.

Наваждение прошло. Только руки замерзли, как зимой без варежек. И все еще слегка трясло.

Что еще за видения такие?

– ...Your faith and throat ye sall never get
Nor our true love sall never twin...

Кажется, видение длилось несколько мгновений, однако Мистер Жаб уже закончил чтение. Теперь Катя слышала запинаящийся женский голос. Ага, догадалась она: так они делали и на филфаке. Читаем по отрывку и даем свой вариант перевода. Потом остальные предлагают свой вариант, поправляют – в общем, критикуют.

– Untill I come within thy bower
And kiss thee...

Дама доплелась до конца своего отрывка, и в аудитории поднялся гвалт. Наперебой предлагались варианты – очень далекие от оригинала, поскольку спецов по староанглийскому в аудитории не нашлось. Мистер Жаб морщился, напоминал о профессионализме и призывал делать поправку на архаизмы и диалектизмы.

«Ну-ка, интересно, – подумала Катя, скользя взглядом по неровным строчкам. – Сегодня у меня получится?»

Она сосредоточилась, вслушиваясь в тишину внутри себя, и вскоре услышала отдаленный, похожий на дыхание шепот, тень голоса, о которой никогда не скажешь, мерещится он или нет. Катю, как всегда, охватила легкая, словно чужая, грусть. Она знала, что это вовсе не внутренний голос, а тот странный дар, который, покидая мир, оставил ей Селгарин. Дар – что-то вроде ясновидения, непредсказуемый и почти неуправляемый. Но очень полезный, когда касалось иностранных языков. Но языками дело не ограничивалось. Иногда приходила и другая информация. Мистического смысла. Вот и сейчас Катя прислушивалась к звучанию слов и их смыслу, – явному и скрытому. Впитывала размеренный ритм романтической баллады и чувствовала как внутри все застывает, словно перед ней – не лист бумаги формата А4, а та самая дверь в холме...

С каждым мигом ей становилось страшнее. Въяве представилось, будто это она сама стоит в полночь на крыльце, а перед ней подозрительно бледный юноша. И говорит ей: «Это я, твой жених! Я к тебе вернулся!»

Только не уточняет, откуда именно.

И просится войти.

Как будто она не знает, кто не может войти в дом без приглашения...

«Что? – ужаснулась Катя, проглядывая балладу. – Она его впустила?! Дура! Он же мертвый!»

Она решительно отодвинула листик с текстом.

«Плохая баллада! – подумала она. – И нет тут ничего романтического. И вовсе она не о верной любви. А о подлой ловушке...»

– Прошу, следующий! – объявил Мистер Жаб.

Наступила небольшая заминка. Вот оно что – настала очередь «святого Джорджа». Но единственный мужчина на семинаре повел себя странно: когда соседка подсунула ему листок и даже ткнула место, с которого надо читать дальше, он только молча улыбнулся и помотал головой. На текст даже не взглянул.

Впрочем, Мистер Жаб и бровью не повел, как будто так и надо. И повернулся к Кате.

– Барышня, прошу вас. Читайте и предлагайте свои варианты.

– Вот отсюда, – подсказала ей рыжая соседка.

Катя пробежала глазами строфу. Итак, девушка пригласила-таки его в дом, и мертвец сказал...

– My mouth it is full cold, Margret,
It has the smell now of the ground...

С чтением и переводом Катя промедлила. В аудитории снова стало тихо.

– Что нам скажет наша новенькая? – спросил Мистер Жаб, явно решив подбодрить засмущавшуюся девушку.

– Мне не хочется читать, – буркнула Катя. – Извините.

По аудитории пролетел удивленный шепоток.

– Не хочется? – удивленно повторил литературовед с интонацией «а зачем же вы тогда сюда явились?»

– Мне кажется, – пояснила Катя, тщательно подбирая слова, – что некоторые вещи... лучше не произносить вслух.

Теперь все взгляды были направлены на Катю. Она молчала, пытаясь сформулировать свои ощущения.

– Это какая-то неправильная баллада, – пробормотала она наконец, отчаявшись сказать точнее.

– Простите?

– Девушка потеряла своего парня, – начала объяснять Катя, страдая от того, что не может точно выразить свои ощущения словами. – И он как бы вернулся. Но на самом деле – это не он. Тут ловушка на эту девушку, а любовь совсем ни при чем.

– Ну и что? – изумился Мистер Жаб. – Вам не нравится содержание? И поэтому вы не будете читать?!

– Да, – покраснев, прошептала Катя. – Я не хочу читать, потому что, мне кажется, это... опасно.

Вокруг захихикали. Теперь уже явно над Катей. На лице очкастой дамы возникло откровенно злорадное выражение.

– Можно... ну... Накликать! – нашлась наконец Катя.

Мистер Жаб покачал головой, смотря на нее с выражением «конечно, всякого можно ожидать от блондинки, но это уже перебор!»

Катя напустила на себя гордый вид, который был в такой ситуации особенно неуместен, – хихиканье только усилилось. Неожиданно она заметила, что «святой Джордж» единственный не веселится, а смотрит на нее с неподдельным интересом.

– Ну что ж, – развел руками Мистер Жаб. – Суеверия, как известно, бессмертны. Но действительно, все эти волшебные баллады в средневековые почитались за сущую правду. Граница между мирами виделась людям весьма условной. Погибший в дальних краях жених, явившийся к несчастной Маргарет, мог точно так же явиться к любой из слушательниц. Наверняка они были не менее впечатлительными, чем наша юная коллега...

По аудитории снова пролетел смех.

Катя сидела красная, начиная сердиться. Страх понемногу прошел, и ей стало стыдно. Не очень-то приятно чувствовать себя суеверной дурочкой!

«Ой, елки-палки! – пришло ей вдруг на ум. – Вдруг они решили, что я просто не знаю языка и не могу перевести дальше?!»

Мысль, что ее сочтут необразованной вруней, показалась Кате совершенно невыносимой. Она откашлялась и начала переводить – уверенно и без запинок.

– «Губы мои холодны, дыхание пахнет землей. Поцеловав меня, долго не проживешь... Теперь ступай же, Маргарет, за мной под землю...»

Тетки изумленно притихли. Катя перевела свои четыре строчки, но не остановилась, а ровным голосом дочитала до конца.

– «Безграничной была твоя любовь – и теперь ты за это заплатишься!» И мертвец забрал с собой в могилу верную Маргарет... И вырос над ней куст белого шиповника...

– Блин, я уже плачу! – лицемерно всхлипнул «святой Джордж».

Катя закончила в гробовой тишине. Мистер Жаб кашлянул, уставившись на Катю так, словно впервые ее толком разглядел.

– Сударыня... э... Вы ведь уже знакомы с этой балладой?

– Впервые вижу, – угрюмо сказала Катя.

– Специализируетесь на староанглийском?

– В некотором смысле. Я пару раз сталкивалась с похожими текстами.

Во взгляде литературоведа отразилось восхищение.

– Вы не могли бы немного задержаться после семинара? Я бы хотел поговорить с вами поподробнее.

– Конечно, – кивнула Катя.

Она чувствовала завистливые взгляды ученых теток. Но не злорадствовала. Ее угнетало странное чувство. Эти глюки... Травяной холм и дверь, за которой темнота...

Как будто она увидела что-то нехорошее. И это нехорошее имело отношение не столько к балладе, сколько к ней самой.

«Не надо было мне вообще сюда приходить, – подумала Катя. – Не надо было читать балладу. Даже перевод. Будто дверь куда-то не туда отворила...»

Кате вспомнилось, как Родгар завез ее на шведский остров, к могиле троллей. Там она тоже полезла, куда не следует. Но там у нее не было выбора, а тут – сама. Катя совсем расстроилась.

Кое-как досидела до окончания лекции. «Подробное общение» вылилось в предложение Мистера Жаба «продолжить знакомство и поучаствовать в академической работе». Катя неопределенно пожала плечами и взяла его визитку, отказалась от предложения проводить ее до метро и вышла, оставив литературоведа в окружении почитательниц.

На улице давно стемнело. Близился ноябрь, листопад уже закончился. Пахло болотной сыростью, каменные дома нависали над головой, зловеще чернея подворотнями. Ходить по таким улицам в одиночку и так страшновато, а после пережитого Катей на лекции – тем более. Редкие прохожие, – темные силуэты с бледными пятнами вместо лиц, – заставляли сердце екать от страха. Девушка шагала быстро, почти бежала, застегнув куртку до самого подбородка, и все думала о том, что случилось на семинаре.

Да и случилось ли что-нибудь? Кроме того, что сама же, испугавшись непонятно чего, наговорила глупостей?

«Зато в итоге поступила как надо! – похвалила себя Катя. – Преодолела страх и не поддалась суевериям. Молодец!»

Но сама себе не поверила.

Выйдя из пустынных переулков на широкий, ярко освещенный проспект, Катя успокоилась и даже пошла чуть медленнее. Теперь она мысленно ставила себя на место героини баллады. Как бы она поступила, явись к ней среди ночи любимый, про которого она точно знает, что он сейчас в далеком краю? Неужели оказалась бы такой же душой и впустила его, не обращая внимания на явные признаки...хм... разложения?

«Но что, если та девушка все понимала? – пришло Кате на ум. – И все равно рискнула, потому что любила его?»

Мысли ее пошли в другом направлении. А она могла бы пойти за любимым на тот свет?

Катя вздохнула, задумчиво глядя под ноги, на блестящий от воды асфальт.

Каким еще любимым? Что это за чувство – любовь? Что она о нем знает? В школе были увлечения – но несерьезные. Такие, с которыми и в кино-то не пойдешь, не то что в потусторонний мир. А потом – Димка...

Катя привычно нахмурилась. Ей было неприятно вспоминать свое последнее, самое сильное увлечение. Какое-то время она даже воображала, что влюблена в Димку. Но увы, не сложилось. Нет, он был хорошим, но Кате хотелось большего. А чего большего – она и сама толком не знала...

Они не рассорились и даже остались друзьями. Но Димка страдал. Катя знала это совершенно точно. Из-за этого ее и мучила совесть. Тем более, когда они виделись последний раз...

Катя помрачнела еще сильнее, вспомнив тот «раз». Два месяца назад, еще в Швеции, она в последний раз мельком видела Диму – под ручку с Кариной. Помнится, тогда при виде этой странной парочки она ощутила беспокойство. Ей очень хотелось предостеречь Диму, чтобы не связывался с двуличной, лживой эльфийкой. Но из деликатности, – какое у нее право лезть в

чужие отношения? – промолчала. А потом Димка исчез. Она уже второй месяц ничего о нем не слыхала...

«Надо было найти его! – с нахлынувшей тревогой подумала она. – Связываться с эльфами слишком опасно – кому как не мне это знать! Даже с полукровкой Кариной... Вот приду домой и немедленно позвоню... Нет, прямо сейчас!»

Катя остановилась, вытащила мобильник... и краем глаза уловила резкое движение за спиной. Кто-то тоже остановился. И остался стоять. Высокая, неподвижная тень...

Девушка похолодела. Кто-то крался за ней по пятам!

Если бы это обнаружилось в переулках, Катя, скорее всего, бросилась бы бежать. Но здесь, на Невском, где былолюдно и светло даже поздним вечером, она просто развернулась на месте – и нос к носу столкнулась со «святым Джорджем».

– Приветик, – ухмыляясь, сказал он. – Ну вы и шустря! Сначала ждал полчаса, а потом еле догнал. Я-то думал, вы к метро пойдете...

«Так и знала», – подумала Катя с досадой. Сейчас предложит проводить до дома. И непременно скажет, что такой юной и хрупкой девушке одной ходить по темным улицам опасно. А потом телефончик попросит. Ну почему всегда одно и то же?

Избытком хороших манер «святой Джордж» явно не страдал. Бесцеремонно сунул широкую ладонь, которую Катя автоматически пожала.

– Я – Нафания. А вы – Катя, я запомнил.

– Нафания – это имя? – уточнила Катя.

– Да уж не научное звание! – и весело заржал.

Катя бросила на парня косой взгляд. От такого типа требовать соблюдения приличий просто глупо. Ну и чучело!

Нафания зашагал рядом, активно размахивая руками и болтая без умолку. Не прошло и трех минут, а Катя уже знала, что он вовсе не переводчик, а научный работник, и трудится не где-нибудь, а в Эрмитаже.

Кате не верилось. Эрмитаж, храм искусства, величайший музей, прославленный на весь мир кладезь шедевров – и болтун Нафания в треснувших очках?! Она даже уточнила – тот ли Эрмитаж, о котором она думает?

Нафания подтвердил – тот самый. И даже показал удостоверение, где черным по зеленому было написано «сотрудник отдела Северо-запада».

Тут Катя зауважала его и решила, что совсем не разбирается в людях. И даже разрешила перейти на «ты».

– Я собственно по поводу работы к тебе и подвалил, – радостно сказал Нафания. – Есть предложение!

– Мне? Работать в Эрмитаже? – изумилась Катя.

– Ну, не то, чтобы работать, просто есть одна любопытная задачка. Из области лингвистики. Я ж специально пришел к вам в Британский Совет – найти подходящего человечка. Подумал – чем черт не шутит? Вдруг кто из ваших поможет? И тут ты удачно подвернулась...

– В каком смысле подвернулась? – спросила Катя с подозрением. – Что тебе конкретно надо от меня?

– Разобраться, что за штуковину нам прислали, – загадочно сообщил Нафания.

Из его дальнейших объяснений, уклончивых и сумбурных, Катя поняла только одно: где-то в закромах музея лежит некая «штуковина», на которую Нафания уговаривает ее взглянуть.

– А что, кроме меня некому? – спросила она скептически. – Разве в городе нет специалистов по староанглийскому? Попросите хоть Мистера Жа... в смысле... нашего лектора.

Нафания замотал головой.

– Не годится. Мне нужен человек с интуицией. Вот ты сказала, что ту балладу лучше не читать вслух, и меня как по голове стукнуло: ты-то мне и нужна!

Катя моргнула.

– Может, нашу надпись как раз *не надо* переводить...

Нафаня внезапно встал. Как раз на пути у Кати, так что она тоже вынужденно остановилась.

– Знаешь, что ученые наконец расшифровали надпись на дверях гробницы Тутанхамона? – проговорил он, наклонившись к Кате, очень таинственно.

– Нет, – Катя заинтересовалась, – а что там было написано?

– «Вскрывая эту гробницу, я тем самым соглашаюсь со всеми пунктами нижеследующего проклятия и принимаю все его условия, как то...»

Катя хихикнула.

– Шутки шутками, – Нафаня развернулся и опять зашагал вперед, – но я все же хотел бы сначала выяснить, что там написано. Что-то не нравится мне та штука. Ну знаешь, чисто субъективно... – Нафаня неопределенно помахал рукой в воздухе. – Она, как бы... излучает.

– Радиацию?

– Можешь смеяться – мы ее замеры на всякий случай. Нет, с радиацией все нормально. Вет от нее чем-то недобрым. Злая она. Красивая, но злая.

– Да что за штука-то? – спросила Катя. – Расскажи толком.

– А нечего рассказывать. Я пошарил в Инете... Ничего нет. Ну просто ничегошеньки. Даже похожего... Так что лучше я тебе ее просто покажу. Пойдем? – Нафаня сделал широкий приглашающий жест.

– Куда? В Эрмитаж?! Прямо сейчас? Он разве не закрыт?

– Не для сотрудников! – гордо ответил Нафаня.

Глава вторая

Спящая красавица

Беседуют две троллихи. Одна другой:

– Прикинь, ко мне в сумочку вчера гоблин-воршика залез, я и не заметила. Пришла домой, открываю сумочку – сидит!

Когда Катя с Нафаней добрались до Дворцовой площади, было уже около полуночи. Вокруг – ни души, только по набережной проносились редкие машины.

Зеленовато-белое, занимавшее целый квартал здание огромного музея темными окнами взирало на бывшую столицу империи.

«Как же мы попадем внутрь?» – гадала Катя, глядя на замкнутые ворота главного входа.

Неужели придется лезть через решетку? А если поймают? У Нафани-то – удостоверение, а у нее – всего лишь студенческий билет!

Кате было не по себе, и в то же время разбирало любопытство. Наконец-то приключение!

После бурного лета Кате не хватало экстрима.

Да и чудаковатый Нафаня ее порядком заинтриговал. Всю дорогу он не закрывал рта, но ничего конкретного о таинственной «штуке» так и не выдал. Вернее, почти ничего. Только то, что находится она в упаковочной, где все еще лежит в ящике, потому что ее «никак не могут растаможить».

– Панихин, мой шеф, – рвет на лысине последние волосы, – хихикая, рассказывал Нафаня. – Вот удружил кто-то с подарочком...

– Подарочком? – рассеянно повторила Катя.

– Угу. Не ему конкретно, а музею. Я забыл сказать – там еще письмо к ящику прилагалось. Да такое, что лучше бы просто под дверь подкинули без всяких конвертов...

К главному входу Нафаня не пошел, а свернул мимо ворот направо. Перейдя через мостик, они миновали несколько домов и свернули еще раз – через неприметную подворотню во двор – колодец.

Катя поморщилась. Эти мрачные, пованивающие внутренние дворы старинных домов она изначально невзлюбила, они были, кажется, единственным, что ей не нравилось в Питере. Когда-то туда выходили черные лестницы и окна кухонь и комнат служанок...

– Нам сюда, – указал Нафаня на кривую дверь, напоминающую лаз в логово тролля.

– Сюда? – Катя так удивилась, что даже не насторожилась. Разве мы не в Эрмитаж...

– Это и есть вход в Эрмитаж. Что, не похоже?

– Не очень, – сказала Катя сердито, решив, что Нафаня над ней издевается.

– Дело в том, – с разбойничьим видом подмигнул Нафаня, – что это тайный вход. Только для сотрудников.

Катино воображение тут же нарисовало картину: Нафаня, крадучись, спускается по черной лестнице с мешком народных сокровищ за плечами...

...И другую картину – охранники заламывают руки Кате, пойманной среди ночи на этой лестнице.

– Да ты не бойся! – Нафаня подтолкнул ее в спину. – Все ушли спать. А внутренние посты мы обойдем...

– А камеры? Датчики? – уточнила Катя.

– Какие?

– Лазерные...

– Ты еще скажи – инфракрасные, – хмыкнул Нафаня. – Вокруг погляди! Да если тут поставят камеру, ее завтра же сопрут.

Катя решилась.

По узкой лестнице они почти на ощупь поднялись на третий этаж, и дальше пошли скудно освещенными коридорами. На вид – совершенно необитаемыми. Пахло пылью веков и котами.

– Где мы? – прошептала Катя минут через десять.

– Где-где? В Эрмитаже!

Катя хотела ехидно заметить, что представляла Эрмитаж по-другому, но тут впервые задумалась: а не дурит ли ее новый знакомый? Куда это он ее завел?

Нафаня тем временем толкнул боковую железную дверь и снова затопал вниз – такое ощущение, что в подвал. Катя поспешила за ним, хотя сердце у нее стучало все чаще. Не оставаться же одной в этих коридорах...

Они шли еще минут двадцать, то спускаясь, то поднимаясь по узким лестницам. Коридоры становились все приличнее.

Катя выглядывала в окна, пытаясь понять, где они. Один раз в окне промелькнули Нева и огни набережной, но не успела Катя обрадоваться, как Нафаня с глухим шепотом «Атас, охранник!» быстро утянул ее в какой-то боковой переход.

Наконец еще один коридор – и Катя радостно поняла, что узнает Греческий зал. Еще в школе они ездили на экскурсии в Питер, и Эрмитаж был обязательным пунктом программы.

Пустой, полутемный зал, уставленный античными скульптурами, казался древнегреческим кладбищем. Редкие лампочки и красные огоньки сигнализации только усиливали это впечатление.

– Тут рядом пост охраны, потому и веду тебя зигзагами, – приглушенным голосом объяснял Нафаня. – У меня-то пропуск, а у тебя спросят – и доказывай, что не верблюд. У нас тут строго стало, после всех этих историй...

Катя с умным видом кивнула, хотя ни о каких историях понятия не имела.

Каждый шаг по мраморному полу отдавался гулким эхом, но вышеупомянутая охрана очевидно страдала глухотой.

Они остановились перед высокой запертой дверью уже на «территории» Древнего Египта.

– Здесь упаковочная, – прошептал Нафаня, открыл дверь ключом, тщательно прикрыл ее за собой и нашарил выключатель.

Упаковочная оказалась длинной комнатой с высокими потолками. Наверно, в ясные дни здесь полно света, а сейчас в окнах только темнота да капли дождя на стеклах. Огромная комната казалась очень тесной. Вдоль стен причудливыми штабелями громоздились ящики самых разных фасонов и размеров: от миниатюрных коробочек до огромных контейнеров размером с гараж. Катя потянула носом и подумала, что упаковочная похожа на столярную мастерскую. Да и пахло тут так же – клеем, фанерой и свежими стружками.

Загудели лампы дневного света. Катя зажмурилась от вспыхнувшего света.

– Вот она, зараза, – прошептал Нафаня.

В центре комнаты стоял верстак, а на нем лежало нечто, весьма напоминающее гроб. Катя, затаив дыхание, подошла поближе и уставилась на *заразу*.

Перед ней была статуя в полтора человеческого роста. На первый взгляд непонятно, из какого она материала. Камень? Дерево? Очертания туловища едва намечены – как будто существо обернуто в плотный плащ. Поверхность статуи блестела как полированная, сияя всеми оттенками зеленого, белого и алого. Узоры сплетались в буквы, вот только какого алфавита? Голова статуи, наоборот, была сделана очень детально. Длинные волнистые волосы, словно из золотистого стекла, схвачены на лбу короной из переплетенных синих змей. Белая кожа казалась фарфоровой, полупрозрачной. На лбу и щеках едва заметно проступали тонкие зеленоватые линии растительного орнамента. Веки были плотно сомкнуты. Узкие губы приподняты в презрительной усмешке, при виде которой пробирала дрожь.

Роскошная вещь! Интересно, кто это? Какого оно хотя бы пола? Черты, вроде, женские... Древняя королева в роскошной мантии?

Стоп! Это не мантия. Ничего себе!

– Это что, крылья?

– Ага, – подтвердил Нафаня. – Мы уж сами догадались. Умники из Восточного отдела так в сопроводительной записке и написали: «Гаруда».

– Восточный отдел?

Катя запомнила, что в удостоверении было написано: «Северо-запад».

Нафаня развел руками.

– Вот и мы с Панихидиным в шоке. При чем тут восток? По стилю – чистая кельтщина! Недели две с восточниками воевали. Те хотели себе прибрать. Но Панихидин костыми лег – отстоял эту «Гаруду» нам всем на гемор.

– А что такое «Гаруда»? – спросила Катя.

Слово было смутно знакомое.

– Волшебная птица из индуистской мифологии.

– Что-то на птицу не похоже!

– Ну как бы не совсем птица. Птичий царь.

– А в письме что было написано?

– Что подарок из Таиланда. От тамошнего короля нашему правителю. Без указания фамилии. На кого они намекали, а? Да и как дарить? А вдруг там бомба? Наши местные таможенники говорят: надо вскрыть! Мы, говорят, ломиком подковырнем, вы подклеите, и никто не заметит...

– Она что, открывается? – заинтересовалась Катя.

– Нет, вроде монолитная. Швов не видно.

Несколько минут они молча смотрели на статую. Потом Катя провела рукой над сложенными крыльями... И ее словно холодной водой окатило! Страшно! Еще сильнее, чем вечером на семинаре!

Катя вздрогнула, отдернула руку, словно обожглась. Внутренний голос подсказывал: от этого прекрасного крылатого существа следует держаться подальше. Бежать со всех ног!

Но Катя взяла себя в руки и даже шагнула вперед.

Лучше бы она этого не делала.

На миг Кате почудилось, что длинные веки поднимаются, и из-под них выплескивается пронзительный сапфировый свет...

Катя оцепенела, не в силах отвести глаза...

«Спас» ее Нафаня.

– Ага, ты тоже это почувствовала! – с восторгом воскликнул он. – А Панихидин, прикинь, говорит: меньше надо биться головой о твердые предметы, тогда и глюков не будет. Дерево ученое!

– А зачем биться головой? – удивилась Катя.

– Я паркурком увлекаюсь, – охотно пояснил Нафаня. – У меня уже три сотрясения было, как раз недавно из больницы вышел! – Он явно гордился собой. – Вон, смотри, какой шрам...

Катя ничего не сказала, а про себя подумала, что если бы он рассказал ей про свои увлечения раньше, она бы точно сюда не пришла.

И никогда не встретила бы эту удивительную статую.

Наваждение прошло. Теперь девушка видела перед собой именно статую. Предмет искусства. Никакого света. Никакого страха.

«Пригрезится черт-те что...» – подумала Катя с облегчением.

– Ну, так что тут написано? – нетерпеливо спросил Нафаня, указывая на вьющуюся по краю мантии надпись.

Катя послушно замерла, прислушалась, ожидая подсказки внутреннего голоса. Но тот молчал. Боялся. Или просто не хотел пойти Кате навстречу.

– Не понимаю, – вздохнула она. – Что-то не получается.

– А здесь? – Нафания указал на змеиный венец. – Тут вроде всего одно слово...

Катя всмотрелась, потом проговорила неуверенно:

– Знакомое что-то... Такое чувство, что я его уже видела.

– И что оно означает? – Нафания аж приплясывал от нетерпения.

– Могущество... Сила... Пожалуй, самое точное – власть!

Нафания нахмурился:

– Власть... На каком это хоть языке?

Катя покраснела. Ей показалось – Нафания решил, что она это выдумала. Чтобы не ударить перед ним в грязь лицом.

– Понятия не имею, – сказала она сердито. – Я интуитивно поняла. Вроде, как вспомнилось. Честно сказать, я не такой уж и великий знаток древних языков. Вот у меня друг есть – настоящий полиглот, он тебе и все надписи переведет, и скажет, кто их сочинил и зачем, и есть ли тут проклятие... А я... Ну, у меня просто дар такой! Оно само приходит, как озарение!

– Не обижайся, – примиряющее сказал Нафания. – Кстати... Как эта «власть» звучит, не знаешь? Ну, если вслух произнести?

– Валар, – не задумываясь, сказала Катя.

– Валар? Точно?

– Абсолютно. Кстати, знакомое слово. У нас в Пскове был торговый центр «Валинор», может, что-то однокоренное?

Нафания неожиданно фыркнул и уставился на статую.

– Валар, хе-хе. Забавно.

Кате показалось, он что-то понял или вспомнил. Но ей не сказал. Но выпрашивать она не стала. Из гордости.

.. И тут случилось нечто действительно ужасное.

Дверь упаковочной распахнулась с жутким скрипом, и в помещение вошел, нет, ворвался мужчина в траурном черном костюме. На груди у него висел такой же, как у Нафани, зеленый пропуск, гласивший, что его обладатель – не кто иной, как старший научный сотрудник отдела Северо-запада Г. В. Панихидин. И рожа у старшего научного сотрудника была подстать фамилии: бледная, с глубокими залысинами на лбу и какая-то зомбоподобная. Хотя это, наверное, от синеватого искусственного освещения.

Панихидин резко остановился и уставился на Катю неподвижным змеиным взглядом.

Катя рефлекторно спряталась за спину Нафани.

– Доброй...э... ночи, – выдавил тот.

– Лаборант Нафанаилов! – шипящий голос вошедшего оказался подстать взгляду. – Вы вполне осознаете, что сейчас делаете?

– Ставлю научный эксперимент, – быстро ответил Нафания.

– А ну марш отсюда! Чтобы духу вашего здесь не было! Завтра напишете объяснительную на имя Самого. А это что за существо там притаилось?

В Кате разыгралась гордость. Она выступила из-за спины Нафани, задрала подбородок и сообщила:

– Меня зовут Екатерина Малышева! С кем имею честь?

Вопрос был дурацкий, потому что на бейджике всё было ясно написано.

Панихидин придирчиво оглядел Катю с головы до ног. Не как симпатичную девушку – как... экспонат. И, как показалось Кате, несколько растерялся. Может, тому виной был Катин деловой костюм?

Затянувшуюся паузу прервал Нафания.

- Госпожа Малышева – крупнейший специалист в Петербурге по кельтским языкам... На лице Панихидина явственно отразилось сомнение.
- Мне ее в Британском Совете порекомендовали. Я туда специально ходил, можете поверить!
- Панихин еще раз изучил Катю. Как вивисектор – лягушку.
- Так уж и крупнейший?
- Катя приняла оскорбленный вид и попыталась лицом и фигурой изобразить из себя крутого эксперта.
- Позвольте поинтересоваться, где трудится крупнейший эксперт? – ехидно осведомился Панихин.
- На филологическом факультете СПбГУ, – нахально заявила Катя.
- А что? Чистая правда! Разве учеба – это не труд?
- А чтобы закрепить имидж, добавила по-шведски:
- Är du glad, gammal stubbe?⁵
- Панихин кивнул. Надо полагать, шведского он не знал. Но тут же поинтересовался весьма глумливо:
- Что вы имеете сказать по интересующему нас вопросу?
- Снова влез Нафаня. И опять – кстати.
- Госпожа Малышева только что расшифровала часть надписи на крышке! Вот тут написано «власть»...
- Да что вы говорите! И какой же это язык?
- Катя примолкла.
- Нафаня бросил на Катю выразительный взгляд: «Да соври ты уже хоть что-нибудь!»
- Вы хотя бы можете назвать языковую группу? – издевательски настаивал Панихин. – Как крупнейший в Петербурге специалист? Догадки есть?
- Кельтская группа, – небрежно бросила Катя, вспомнив то, что говорил Нафаня. – А от догадок я пока воздержусь. Не хочу озвучивать непроверенные теории!
- И усмехнулась, очень гордая собой.
- Может, вам требуется какая-то помощь? – не отставал Панихин. – Не стесняйтесь, все что нужно мы вам предоставим.
- Не надо, – решительно отказалась Катя. – У меня дома найдется всё необходимое.
- «То есть Карлссон», – мысленно добавила она.
- Тут Кате кое-что пришло на ум. Она вытащила мобильник.
- Что вы делаете?! – всполошился Панихин. – Не положено!
- Но Катя уже отщелкала надписи и быстренько спрятала мобильник в карман.
- У старшего научного сотрудника был такой вид, будто он сейчас полезет к Кате в карман и отберет мобильник...
- Но рядом стоял Нафаня, который несмотря на свой стрёмный имидж и глуповатую улыбочку, выглядел парнем крепким. И Панихин не рискнул применить силу.
- Позвоните мне утром в понедельник, – высокомерно произнесла Катя. – Мой телефон у вашего сотрудника. А теперь, если позволите...
- И Катя величественной поступью двинулась прямо на Панихина, поскольку тот стоял как раз между ней и дверью. Тот неохотно посторонился.
- Я провожу, – подскочил Нафаня, распахивая перед Катей дверь.
- Оказавшись в коридоре, он показал Кате большой палец. Та весело подмигнула в ответ.
- Легко отделались, – прошептал Нафаня, быстрым шагом устремляясь в сторону «выхода для сотрудников». И через несколько минут задумчиво добавил:

⁵ Ты счастлив, старый пень?

– Одного не пойму. Что этот упырь сам-то делал ночью в упаковочной? – и сразу, без перехода: – Слушай, давай я тебя провожу. А ты где живешь, кстати?

– Здесь, на Невском. Проводи, если хочешь.

Конечно, Катя не возражала. Нафаня – занятный. И Катя ему понравилась, это точно. Интересно, будет за ней ухаживать? А ведь точно будет. Такие не откладывают на завтра то, что можно съесть сегодня.

Насладиться вниманием нового знакомого Кате не удалось. Только они вышли на Миллионную, как мимо с грозным ревом промчалась кавалькада мотоциклетных всадников. Самый последний вдруг осадил чоппер, соскочил лихо и перегородил Кате дорогу.

Нафаня гордо расправил плечи и сунулся защитить, но байкер, который ростом не уступал Нафане, а шириной превосходил вдвое, небрежно отодвинул его кожаным плечом, скинул шлем... и оказался Катиным знакомцем Бараном, сподвижником Коли Голого.

– Малышка! – воскликнул Баран диаконским басом. И распахнул объятия, в которых легко уместилась бы дюжина таких девушек, как Катя. Обнимать, однако, не стал, а гостеприимно предложил: – Подвезти?

Катя покосилась на Нафаню... Нафаня взирал на Баранов байк. С восхищением. О Кате он, похоже, забыл. Ну и ладно.

– Подвези, – разрешила девушка. Бросила небрежно: – Нафаня, до понедельника. Звони! И полезла на широкое кожаное седло чоппера.

Миг – и ее уже нет. А Нафаня остался. С открытым ртом. А так ему и надо!

* * *

– Чё сидишь, гони! – Тусклый, как осенняя морось, мужчина плюхнулся на сидение «девятки».

Водитель, такой же невыразительный, похожий на тысячу человек одновременно, лениво воткнул передачу и тронулся плавно, как инструктор автошколы.

– Куда гнать-то? – пробормотал он. – Этих не достанем, а она никуда не денется. Слышал же: домой едет.

«Девятка» миновала растерянного Нафаню и неторопливо покатила к Невскому.

Нафаня на невзрачный жигулек даже не посмотрел. Что и требовалось.

Глава третья Кости и кровь

«В горах Тибета два молодых тролля увидели на одной из вершин йога. Местные жители утверждали, что йог просидел на этой вершине уже более сотни лет. Интересно, сколько еще просидел бы йог, если бы его не сожрали тролли?»

Задача из эльфийского учебника по математике

Черное небо с красноватым отливом, низкое, набухшее тяжестью, словно вот-вот рухнет и придавит насмерть. В плотных тучах где-то на севере шарит луч мощного прожектора. Словно Недремлющее Око Саурана. Кого оно там высматривает?

Сырая пустошь, вся в кочках и рытвинах, в гнилых корягах и обломках ржавой арматуры, перепаханная так, словно много веков назад именно тут встретились в решающей битве силы Света и Тьмы. Причем силы света проиграли.

Слева – однообразные, наводящие тоску дома с тусклыми окнами и корпуса заводов, вызывающие в памяти фильмы на тему Апокалипсиса. Справа маслянисто блестит вода Обводного канала. Цепочка фонарей, половина разбита или перегорела, сутулые фигуры прохожих с потухшими лицами, опасно оглядывающихся. Мелкая морось и запах гари.

Одним словом – Мордор.

– И такое – почти в центре Питера, – пробормотал Тэм, окидывая взглядом мрачный пейзаж.

Лу никак не отреагировал. Он был занят.

Англичане стояли в центре обширного пустыря посреди старинной промзоны, на гладком пяточке, с трудом найденном среди усеивавших землю кусков бетона, ржавых железяк и рваных покрышек. В рыхлой земле был прочерчен круг. В центре круга лежал знакомый черный чемодан, как никогда напоминающий гроб. Над чемоданом возвышался Лу и нараспев читал заклинание, время от времени сверяясь с бумажкой.

Тэм стоял за кругом, опираясь на черенок ржавой лопаты, поглядывал по сторонам и терпеливо ждал.

– Уф! Ну, вроде все! – объявил Лу, переводя дух и убирая бумажку в планшет. – Никто за нами не следит?

– Я не заметил.

– Надеюсь, произношение не слишком важно. Младшие руны не передают всех тонкостей речи Детей Дану. Что хмыкаешь? Я не уверен, что ничего не переврал... А тут одна ошибка, и провалимся под землю вместе с этим пустырем!

– Да мне поровну, – отозвался Тэм. – Что дальше делать?

– Надо похоронить кости.

– На, приступай!

Лу с отвращением взглянул на лопату:

– Я?!

– Я думал, это твоя привилегия, – ехидно ответил Тэм. – Ты проводишь обряд – тебе и копать.

– Чтобы сын моего отца осквернил руки работой землекопа?!

– Кто бы подумал, что самое сложное в обряде – вырыть яму под чемодан!

В глазах Лу вспыхнула ярость... Но тут ему кое-что пришло на ум.

– Сейчас решим вопрос, – сказал он скованной улыбочкой. – И с захоронением... и так далее...

Лу выпрямился и прищурился, вглядываясь в темноту – туда, где по краю пустыря двигались силуэты поздних прохожих. Лу картинно вскинул руку. Драгоценные камни заиграли в лунном свете. Лу направил указательный палец на один из силуэтов и поманил. Далекая фигурка споткнулась, замедлила шаг, и, мгновение поколебавшись, свернула с тротуара на пустырь.

Минут через десять человек уже стоял перед Лу: тощий парень лет двадцати в потертой камуфляжной куртке с эмблемой «Охрана порта». К боку он прижимал сумку «мечта оккупанта», доверху набитую мороженой рыбой, и как загипнотизированный пялился на блондина.

– Come, mortal, – приказал Лу. – Dig here!

– Халявщик! – усмехнулся Тэм, вручая парню лопату. Тот бодро принялся за дело, хотя вряд ли понял сказанное.

– Копай, копай, – приговаривал Лу, глядя, как летят комья, и яма быстро углубляется. – Кости надо спрятать так, чтобы их никто не нашел – ни нарочно, ни случайно...

Когда могила достигла глубины метра, Лу сделал охраннику знак остановиться. Вдвоем с Тэмом они аккуратно опустили туда чемодан. Зачарованный парень сноровисто закидал яму землей и разровнял так, что остался только едва заметный холмик, тут же потерявшийся среди кочек и рытвин.

– Отлично! – Потерруки Лу. – Ну а теперь... Так, где тут он у меня... Ага, нашел!

Он извлек из планшета небольшой серповидный ножик.

– Смертный, встань сюда, прямо над холмиком, – произнес он по-английски, жестом уточняя направление. – Убери волосы с шеи и наклонись.

Тэм, задумчиво смотревший на что-то в глубине пустыря, встрепенулся.

– Ты чего затеял?!

– Как что? Кости надо полить кровью. Иначе они не прорастут.

– Полить кровью?! Человеческой?

– Ну да. А в чем проблема?

– Стой, придурок!

Лу, уже примеривавшийся с ножом к шее жертвы, спросил сердито:

– Поосторожнее со словами! Ну, что еще?

– Человеческое жертвоприношение – плохая идея.

– Почему?

– Ты привлечешь к нам внимание.

– С чего это вдруг? Тут их столько, что если пропадет пара-тройка, никто даже не заметит.

– Ты, Лу, похоже, не знаешь, что такое большой город, – насмешливо произнес Тэм.

– Зачем мне это знать? Меня и без того от городов воротит!

– Сочувствую. И должен тебя огорчить: почти все здешние людишки посчитаны и переписаны. Пропавшего станут искать. Узнают, где его видели в последний раз. Проследят, где потерялся. Найдут труп. Или ты закопаешь его рядышком? Мозоли натереть не боишься?

Лу глядел на брюнета мрачно-мрачно.

– Хочешь, чтобы за нами гонялась полиция? – продолжал Тэм. – С собаками? Кстати о собаках. Здесь их – целые стаи. Закопаешь убитого рядом, они почуют кровь, выкопают и сожрут. А заодно – и твои драгоценные косточки. Выроют, растащат. Как тебе такой вариант? Обглоданные косточки представителей высшей расы. Как тебе такая картинка?

Несколько мгновений Лу смотрел на него так, будто ни за что, ни про что получил от лучшего друга удар под дых. Потом выронил нож и закрыл лицо руками. Его плечи затряслись.

– Я что-то не пойму, ты там хихикаешь или плачешь? – хладнокровно поинтересовался Тэм.

Зачарованный парень тем временем выпрямился. Судя по глазам, к нему даже отчасти вернулся разум.

– Какого хрена? – пробормотал он, изумленно оглядываясь по сторонам. – Куда меня черт завел?

Он скользнул взглядом по Лу, в упор его не заметив, поглядел на лопату, на свежий холмик...

– Ешкин кот! – испуганно выдохнул он, кинул лопату, подхватил сумку с рыбой и, спотыкаясь на колдобинах, бегом устремился в сторону фонарей.

Тэм проводил его равнодушным взглядом, словно и не рад был его спасению. Лу так и стоял, опустив голову и завесив лицо локонами.

– Как ты мог?! – глухим голосом спросил он наконец. – Как ты можешь говорить об обглоданных костях! Ты же знаешь, как погиб мой отец!

– Ты очень вовремя об этом вспомнил, – хладнокровно отозвался Тэм. – Я и не подумал, что у того, кто убил твоего отца, чутье куда лучше, чем у любого пса.

Лу содрогнулся.

– Но что ты предлагаешь?

– Для обряда тебе нужна именно человеческая кровь? Я не подойду?

– Ты не годишься. Кровь должна быть горячей.

– Животное?

Лу пожал плечами:

– Ворона, смертный, брауни, овца, бродячая собака – мне без разницы, лишь бы живое...

Тэм быстро огляделся.

– Овца! – пробормотал он иронически. – Да тут даже голубей не водится. В самом деле, наловить людишек проще всего... Хотя...

Его взгляд скользнул по зарослям сухого бурьяна и вдруг стал внимательным и цепким.

– Минуточку, – прошипел он и прыгнул в бурьян.

Это был красивый и точный бросок, наводящий на мысль об ушу и прочих боевых искусствах. И главное – он оказался успешным. Несколько мгновений в бурьяне продолжалась шумная возня, после чего Тэм снова появился возле холмика. В руке он тащил небольшое существо, напоминающее чумазую длинноносую мартышку. Существо брыкалось, плевалось и невнятно вопило.

– Это что еще за дрянь? – изумленно произнес Лу.

– Я хотел тебя спросить тоже самое, – ответил Тэм, стараясь держать уродца так, чтобы тот не достал его когтистыми лапами. – Определенно не овца.

Лу пригляделся к добыче и брезгливо сморщил нос:

– Судя по всему, мелкий гоблин. Местная разновидность. Ну и несет от него! Как ты думаешь, он разумен?

– Сложно сказать, – задумчиво сказал Тэм и тряхнул пленника. – Эй, ты разумен? – спросил он по-русски.

Услышав знакомую речь, гоблин оживился.

– Ты чего, опух в натуре? – пискляво завопил он. – Вы на кого наехали, сиды извратные?!

– Вроде разумен, – заключил Тэм. – Если это можно назвать разумом.

– Он сказал – «сиды»? – повторил Лу. – Он знает, кто мы. Нехорошо. Интересно, давно он тут? И сколько он успел увидеть...

Лу нагнулся и подобрал с земли ритуальный нож.

– Давай сюда вонючку. Таковую дрянь ни одна собака жрать не станет! Только аккуратно держи, чтобы он меня не цапнул!

При виде ножа притихший было гоблин снова начал отчаянно вырываться. Всячески демонстрируя свою разумность, он клался зубами, грязно ругался и сыпал угрозами.

– Ну все, сиды! Вы попали! Сейчас подвалют пацаны и ваще вас порвут! Наизнанку вывернут!

Лу нахмурился:

– Пацаны?

– Думаешь, их тут много? – спросил Тэм, оглядываясь.

– Гоблины – поганцы стайные. Проклятие! Нашли, называется, уединенное место...

– Вон они! – перебил его Тэм. – Подкрадываются, гаденыши...

Хоть гоблины низшие из нелюдей, однако кое-какими магическими навыками владеют от природы. Сторонний наблюдатель в упор бы их не заметил. Вот шевельнулся бурьян, зашуршали палые листья, мелькнула тень под обломком бетонной плиты...

– Их тут штук десять, – прошептал Тэм. – Они нас окружают.

– Вот и хорошо, – на губах Лу мелькнула жестокая усмешка. – Главное, не спугни их. Не шевелись, пусть подойдут ближе...

Палая листва шуршала все громче. Со всех сторон приземистые тени сползались к месту захоронения чемодана. Видя, что ненавидимые сиды стоят неподвижно, гоблины осмелели. Они уже не ползли, а перемещались короткими перебежками, некоторые наиболее нахальные даже вставали во весь рост.

Когда стая взяла чужаков в кольцо, из-под ближайшей коряги раздался гнусавый голос:

– Ты, долговязый! Быстро отпустил нашего кореша!

– А что мне за это будет? – поинтересовался Тэм.

В листве пакостно захихикали.

– Уйдете живыми, – пикнул кто-то.

– Может быть! – подхватил второй.

– Если мы будем добрыми!

– Предлагаю другой вариант, – сказал Тэм. – Мы теперь – ваша «крыша». Вы платите нам дань, охраняете *наши* пустырь, докладываете нам обо всех, кто тут появится, а мы вас за это не трогаем.

Гоблины так и покатались со смеху.

– Вас двое, а нас двадцать! – выдвинул кто-то главный аргумент.

– И про клад, про клад ему скажите!

– Да, сиды! Мы все знаем про ваш клад! И где вы его прикопали, мы видели!

Тэм повернулся к Лу и многозначительно поднял брови.

– Что будем делать?

– Восемь ублюдков... – повторил Лу. – Точнее, пока еще девять.

Он схватил пленника за шкирку и поднял повыше. Стая выжидающе притихла.

– Всем видно? – заботливо спросил Лу. – Тогда смотрите внимательно!

И он молниеносным движением – только клинок блеснул в темноте – вскрыл гоблину горло. Прямо над холмиком. Пленник и трепыхнуться напоследок не успел, булькнул и затих.

Лу небрежно швырнул труп в кучу листвы и ослепительно улыбнулся.

Гоблины, вжавшись в землю, затаились в зловещем молчании.

– Ну все! Хана тебе, сид! – прошелестело в листве.

Они кинулись все одновременно, с разных сторон, словно по команде. В тот же миг в центре стаи полыхнула вспышка и ударила во все стороны тысячами серебряных лучей – тонкими как иглы и такими же острыми. Короткий пронзительный визг сменился внезапной тишиной.

Лу выдохнул и резко развернулся, сканируя пространство.

– Ни один не ушел, – пробормотал он удовлетворенно. – Отлично. Свидетели мне не нужны.

– Что это было? – изумленно спросил Тэм, моргая (в глазах у него все еще стояло колючее пламя вспышки). – Я и не знал, что ты так умеешь!

– Что ты вообще обо мне знаешь? – произнес Лу самодовольно. – Приходилось сталкиваться с заклинанием эльфийской стрелы?

Тэм невольно вздрогнул.

– Приходилось...

– Ну а это нечто в том же роде. Только, скажем так, массового поражения. Кольцо стрел. Незаменимо, когда бьешься один против толпы таких вот ошибок эволюции.

– «Десять стрел на десяти ветрах»? – процитировал Тэм с нервным смешком.

– Восемь, – поправил Лу. – Кстати, оптимальное число. Удобное.

И засмеялся, очень довольный собой.

– Если кто и уцелел, он сюда на милю не подойдет!

– В самом деле, – озабоченно сказал Тэм. – Ты тут такой фейерверк устроил – не засветиться бы! И зачем сразу восстанавливать местных жителей против себя? Неужели нельзя было с ними как-то договориться...

– Со слугами Врага разговор короткий. Уж их-то местная полиция точно искать не будет. Так?

Тэм кивнул. Он был впечатлен.

– Что теперь? – спросил. – Будем охранять, пока не прорастет?

– Ни к чему. Теперь тут автономная система защиты. – Лу набрал пригоршню листьев и принялся протирать ритуальный нож.

Тэм бросил взгляд на землю, и его глаза расширились от удивления.

– Ничего себе!

Едва заметный холмик на месте захоронения окружило кольцо экзотического вида поганок.

– Кровь этого жалкого существа пробуждает спящих, – произнес Лу с глубоким почтением.

Он убрал нож в планшет, повернулся к холмику и склонил голову.

– Теперь остается только немного подождать.

Поганки жадно впитывали кровь, туман и дождевую морось, вылезая из-под земли и раскрывая шляпки прямо на глазах. Вот кучка их поднялась там, где валялся оглушенный эльфийской стрелой гоблин – и нет гоблина. Только «букет» жирных склизких грибов.

Лу спрятал нож.

– Поехали в гостиницу, – сказал он. – Меня тошнит от твоего города. А от этого места – особенно. Ноги моей больше тут не будет.

– А как же?... – Тэм кивнул на усеянный огромными поганками холмик.

– Сами найдут, – буркнул Лу. – Лично я собираюсь выпить пинту эля и лечь спать.

– А мне что делать?

– Что хочешь. Можешь девок снять. Только в мой номер не приводи. От здешних девок меня тоже тошнит. Жизни в них еще меньше, чем в тебе! – и захохотал.

Драгоценных браслетов у него на руках больше не было.

* * *

Когда такси с гостями из Англии припарковалось у входа в гостиницу, мимо с ревом промчалась кавалькада байкеров, едва не сбив с ног гостиничного швейцара, кинувшегося открывать дверцу.

Испуганный швейцар разразился неполитичными проклятиями. Последний байкер продемонстрировал недвусмысленный знак и притормозил.

Но швейцар вызова не принял, и байкер, газанув, умчался вслед за остальной сворой.

– Что, старый знакомый? – ехидно поинтересовался Лу, заметив, как Тэм уставился на бородатого мотоциклиста.

– Типа того, – пробормотал тот.

Лу поднял палец, нацелил на широкую спину... Но байкер успел свернуть в переулок.

Представив Тэму расплачиваться с водителем, Лу усмехнулся и покинул такси.

Над Дворцовой площадью висел мутный туман. Хорошей погоды в выходные не ожидалось.

Тэму было всё равно. В его нынешнем состоянии погода не имела значения.

Глава четвертая «Не мышонка, не лягушку...»

Жили-были вместе молоденький эльф и фэйри. Хорошо жили, дружно.

И предложил эльф фэйри, давай, мол, поженимся.

– А может не стоит? – опасается фэйри. – Все-таки я – фэйри, а ты – эльф.

– Фигня! – говорит эльф. – Любовь выше национальных предрассудков!

Поженились. Дальше живут. Хорошо. В любви и понимании. И секс тоже неплохой. А детишек нет. Грустно.

– Может, это потому, что я – фэйри, а ты – эльф? – говорит фэйри.

– Я так не думаю, – отвечает эльф. – Давай у старших спросим.

Стали тогда спрашивать у всех: в чем их беда? Но никто им не отвечал, все только смеялись. И вот однажды встретился им тролль-хищник. Решили и у него спросить: тролль-хищник, сами понимаете, это не смешно.

– Скажи нам, – просит эльф, – почему у нас детей нет? – спрашивает эльф

– Может это потому, что я – фэйри, а он – эльф? – вставляет фэйри.

– Нет, – говорит тролль-хищник, не смеясь, а облизываясь. – Это потому, что вы оба – мальчики!

И съел обоих.

Катя жила там же, где и раньше – в мансарде на Невском. В той самой, где раньше работала «сторожем».

Хотя могла бы, например, переехать к Лейке. Она приглашала. Или купить себе особняк на Крестовском. Та же Лейка утверждала, что денег у Кати на три особняка хватит. Имелось в виду селгаринское агентство недвижимости, которым рулил Илья Всеволодович Хвостов, бывший Катин босс. Пока – только рулил. В России, как пояснил Кате и Лейке Коля Голый, захватить чужой бизнес, если ты – директор, а хозяин пропал – плёвое дело. Но Хвостов не рискнул. Катю-то он кинул бы запросто. Тут даже Коля помочь не смог бы – очень серьезные деньги. И связи у Ильи Всеволодовича были покруче, чем у хозяина «Шаманамы». Но Хвостов панически боялся троллей. Понимал: для Карлссона самые высокие связи – без разницы. И никакая охрана не поможет. Придет и открутит голову. Руками. Или хуже того: скормит этой ночной твари, Хищнику. Живьем.

Катя вопросами недвижимости не занималась. Ей и смотреть на господина Хвостова было противно. Не могла забыть, какие мерзкие мыслишки толкуются в голове Ильи Всеволодовича.

После смерти Селгарина и бесславного бегства Ротгара Хвостов наверняка наложил бы лапу на эльфийский бизнес. Но...

В игру вступила Лейка. Собственно, больше и некому было. Катя о деньгах как-то не задумывалась – не привыкла. А троллям вообще на финансы плевать. В их систему ценностей и наличные деньги входили с трудом. Бумажки или монетки, которые нельзя ни съесть, ни выпить. А менять их на мясо и пиво... Это не по-тролльски. Если есть пиво, его можно просто отнять. Без всяких глупых бумажек.

– Повезло вам, что в нашей компании есть хоть один практичный и разумный человек! – заявила Лейка.

И еще в Швеции доступно объяснила Илье Всеволодовичу, кто теперь его новые хозяйка. И что с ним будет, если он попытается жульничать. «Отныне доходы от эльфьего бизнеса принадлежат Кате и Карлссону, – заявила Лейка, – пятьдесят на пятьдесят». Лейка вникала в денежные дела дотошно, как могла.

А могла она, если по правде, не очень. Она и понятия не имела, каковы реальные доходы от эльфийского имущества. И то, что ей казалось огромными деньжищами, по факту было лишь крохотной долькой.

Однако если бы не Лейка, то и этой дольки Катя не увидела бы. А так... Потребовала Лейка, чтобы Хвостов оформил Кате дарственную на мансарду (уж коли не хочет она особняк на Крестовском) – дарственную оформили. Потребовала, чтобы в мансарде сделали ремонт, – сделали. И дверь на роскошный балкон прорезали, чтоб через окно не надо было лазать, и крышу заодно отремонтировали (уже по собственной инициативе Ильи Всеволодовича), чтоб не делать еще один евроремонт, если протечет. И по собственной же инициативе Хвостов учредил для Кати должность главного консультанта с окладом в сто тысяч рублей. Он очень хотел и Карлссона на зарплату поставить, но тот (через Лейку) категорически отказался.

Нельзя сказать, что Илью Всеволодовича не душила жаба даже по поводу этих, незначительных в общем финансовом потоке, расходов. Душила, и еще как. Тем **более**, что куда **более** значительную часть доходов Хвостов по прежнему переводил на секретный счет в Цюрихе. Как бы Илья Всеволодович ни боялся троллей, а Ротгара он опасался куда больше. Нет, опасался – не то слово. Перед эльфами Хвостов – благоговел. Почитал и страшился. А троллей примитивно ненавидел. И троллей, и нахальную сисястую малолетку Лейлу. Но особенно – маленькую беленькую заразу Малышеву. Ух бы он ее... Но приходилось лицемерить. Подобострастничать, унижаться, улыбаться *искренне*... Только комсомольское прошлое выручало – опыт, как говорится, не пропьешь. Умел Хвостов прикидываться верным и преданным. Ничего, дайте срок...

На следующий после набега на Эрмитаж день Катя проспала до одиннадцати утра. Благо – суббота.

«Хорошо, что не надо идти в универ. А у некоторых лекции и по субботам, вот бедняги, – сонно думала она, валяясь в кровати и любясь солнечными зайчиками на потолке. – Так, что я собиралась сегодня сделать? Пункт первый: попытаться разыскать Димку...»

Катя вздохнула, покосившись на телефон. Ею двигало не столько беспокойство за друга, сколько чувство долга. Но вдруг он все еще страдает по ней, и воспримет звонок как-нибудь... превратно? Решила – так звони...

«Поговорю с ним нейтрально, – Катя протянула руку к мобильнику. – „Привет! Куда пропал?“ И все такое. Друг он мне, в конце концов, или нет?»

По мобильному Димка не отозвался. Точнее, его номер попросту не обслуживался. Катя почувствовала легкое облегчение. Честно говоря, она и сама не знала, о чем с ним говорить. Просто убедиться, что с Димкой все в порядке. Может, бросить это дело?

Но Катя привыкла доводить задуманное до конца.

«Позвоню его родителям, – решила она. – Если трубку возьмет не Димка, я даже к телефону его звать не стану. Передам привет, и все».

По городскому трубку сняли после третьего гудка. Катя глубоко вздохнула, готова заранее продуманные реплики, но они негодились. – Алло, – раздался в динамике голос Димкиной мамы. Тон был довольно холодный. – Это ты, Катя? Давно же тебя не было слышно!

Катя, покраснев (хорошо, что по телефону – не видно), промямлила что-то неразборчивое.

– Что ты раньше не звонила? – укорила Диминая мама. – А Дима уехал. Никто из вашей компании даже проводить его не пришел. Друзья, называется...

– Куда уехал? – спросила Катя, сгорая от стыда.

– Учиться за границу, – сообщила Диминая мама с явной гордостью.

– Как?! Но разве он не поступил в универ здесь, в Питере?

– Поступил. И там, за границей – тоже поступил. Он всегда был одаренным мальчиком. В голосе Димкиной мамы снова промелькнул отзвук укора. Одаренный, а ты его не оценила...

– Когда он приедет?

– Понятия не имею. Может быть, на зимние каникулы.

– А связаться с ним...

Но в динамике уже раздавались короткие гудки.

Катя положила трубку. Что ж, по крайней мере, с Димкой все в порядке. У него теперь другая, новая жизнь. А она, Катя – его прошлое, перевернутая страница... Разве она не того хотела? Почему же ей стало так грустно?

Ладно, переходим ко второму пункту, подумала Катя, усилием воли прогоняя печальные мысли о Димке. Выяснить, что такое «Гаруда».

Древний «пентиум», на котором она набивала первые переводы, давно был отправлен в утиль. Теперь у Кати был нормальный ноут. А что толку от его крутизны? Ни с того, ни с сего сдох Интернет. Да уж, день определенно не задался.

И что теперь делать, скажите на милость? Звонить в техподдержку? Ругаться с провайдером? Которые наверняка начнут задавать каверзные вопросы или давать советы в духе «а вы войдите в настройки, а потом...» Знать бы еще, где эти настройки, и вообще с чем их едят!

Просто как в анекдоте:

«Я у вас компьютер купил».

«И что?»

«Сломался».

«И что?»

«Так он у вас на гарантии!»

«И какая гарантия?»

«Пожизненная, блин!»

«А что с компьютером?»

«Сдох!!!»

«Раз сдох – гарантия кончилась!»

Катя хихикнула, а потом вспомнила, что этот анекдот любил цитировать Димка, и снова загрустила. Димка вечно посмеивался над Катиной компьютерной безграмотностью, когда она звонила в панике – приезжай, вся работа вдруг куда-то пропала! А надо было всего-то окно развернуть... Конечно, с тех пор Катин уровень грамотности повысился. Но не принципиально.

«Нет сети, – еще раз прочитала Катя. – Вот зараза! И откуда я ее теперь возьму? Эх, Димку бы сюда...»

Все, хватит о нем думать! Катя набрала номер Лейки.

Подруга отозвалась не сразу.

– Ой, Катюха, приветик! – сонно пробормотала Лейка. – Чего звонишь в такую рань?

– Полдень для тебя «рань»? Ну-ну. У тебя есть Интернет?

– Конечно, – Лейка громко зевнула в трубку.

– Я сейчас к тебе приду!

– Ну приходи... Приходи! – Лейка неожиданно оживилась и добавила загадочным голосом. – Такое тебе расскажу! Обалдеешь!

Катя хмыкнула и отключилась. Раньше бы она даже не сомневалась, что ее ожидает подробная и красочная история нового Лейкиного романа. Но теперь-то Лейка уже почти официальная невеста Карлссона. Катя, правда, не слышала, чтобы троль хоть раз ее так назвал. Или хотя бы подтвердил Лейкины заявления на эту тему. Впрочем, он их и не опровергал. По крайней мере, сама она всем представляется как его невеста. И в «Контакте» в статусе написала: «помолвлена». Правда, ни Карлссон, ни, что не менее важно, Лейкины родители, в «Контакт» не заглядывают. Что же Лейка замутила? Интересненько...

Когда Катя приехала к Лейке, та завтракала блинчиками перед телевизором. Вид у нее было заспанный, но лицо так и сияло. Точно, подумала Катя. Замутила.

– Присоединяйся! Наливай себе чаю, бери блин... Садись-садись! А то еще упадешь...

Катя уселась рядом с подругой на диван. Спальня Лейкиных родителей была оформлена Лейкиной мамой в роскошном, но довольно безвкусном псевдовосточном стиле. Единственной сдержанной нотой в этом буйстве красок был потертый серенький коврик, который, судя по его цвету, давно пора было пропылесосить, а лучше выбросить. Однако выбросить эту неуместную деталь обстановки вряд ли удалось бы. При ближайшем рассмотрении это оказался вовсе не коврик, а Хищник, распластавшийся на полу. Хищник дрых.

– А этот что тут делает? – удивилась Катя, погладив серый бок чудовища.

– Меня охраняет, – гордо сказала Лейка. – Со вчерашнего дня он – мой личный телохранитель.

Катя ощутила легкий укор ревности. Раньше Хищник был ее, Катиным, личным телохранителем. «Лейку-то зачем охранять? – недовольно подумала она. – Квартира вроде на сигнализации... Или это потому, что она – самозваная невеста Карлссона?»

– А где Карлссон? – спросила вслух.

– Кто его знает. Бродит где-то...

Лейка передернула плечами и обмакнула блинчик в варенье.

– Я его уже дня два не видела. Он же никогда не говорит, куда уходит, когда вернется...

Лейкина беспечность показалась Кате слегка наигранной. Но, в сущности, что ей остается? Только принимать Карлссона таким, какой есть. Взрослого мужчину пятисот лет от роду уже не переделаешь. Но она, Катя, от своего мужчины такого отношения, конечно же, не потерпела бы!

Гм... Можно ли назвать тролля «своим мужчиной»? И вообще, насколько применимо к троллю слово «свой»?

– Он с тобой живет? – спросила она.

– Ну, по большей части, – уклончиво отозвалась Лейка. – Ты кушай. Что сами не доедим, Хищнику скормим. Он сладкое любит, особенно с сырым мясом... Эх, последние свободные недельки!

– Неужели вы с Карлссоном наконец...

– Нет, – сказала Лейка с досадой. – Родители возвращаются. А у меня для них – сюрприз!

– Так вы все-таки...

– Да нет же!

Кате представился сюрприз в виде спящего на полу Хищника. То-то Лейкина мама порадует!

– Тогда я не пойму...

– Сейчас поймешь. Только, Катя, это секрет! Никому, поняла?

Лейка перегнулась через подлокотник дивана и подняла с пола сумочку.

– Вот, смотри! – Она сунула Кате в руки фотографию. – Второй день налюбоваться не могу!

Катя взяла черно-белый квадратик и уставилась на него с озадаченным видом.

Что-то мутное, черно-белое... Расплывчатый неровный круг, а в середине – головастик. Глаза... лапки... хвостик...

– Что это?

– Результат УЗИ! – торжественно объявила Лейка.

Катя все еще не понимала.

– Катька! Я беременна!!!

Катя моргнула – и с визгом кинулась обнимать подругу.

– Поздравляю! Вот это новость! И давно?

– Уже третий месяц. Вот, теперь и первая фотография имеется!

Лейка с гордостью взглянула на своего головастика, явно представляя, как вклеит его в семейный альбом.

– Помнишь, этот, – она указала на Хищника, – все подшучивал: дескать, родишь тролленка, а я его съем? Так он, собака такая, не шутил. В смысле, не насчет «съем» – насчет тролленка. Он уже тогда знал, – с невольным восхищением сказала Лейка. – И как они чувят! Точнее любого анализа...

У Кати при слове «тролленок» на лице появилось озабоченное выражение. Она покосилась на Лейкин пока еще плоский живот... На фотографию хвостатого головастика... Подумала о Лейкиных родителях, которые приезжают на следующей неделе и о сюрпризе, который их ждет...

– Лейка, – осторожно спросила она. – Ты вообще...э... рада?

– Естественно! – отозвалась Лейка, пряча фотографию. – Родить ребенка от такого мужика... ах!

И тихо добавила:

– Может, он тогда и ко мне станет повнимательнее.

Катя вспомнила игрушечный череп из заветного сундука и с жаром воскликнула:

– Станет, конечно! Знаешь, как он детей любит!

Подруги снова принялись за чаепитие. Катя пыталась уложить в голове сногсшибательную новость.

– А кого ждете – мальчика или девочку?

– Пока не знаю, – хихикнула Лейка. – Вырастет – само решит. Врач сказала, что мальчика, но мне кажется, что там на фотке – не то, что она подумала, а все таки хвост. Может, этот знает? Эй ты! – Она пнула в бок Хищника. – Кого мы ждем?

Серый тролль, не открывая глаз и не шевелясь, рыкнул по-шведски.

– Вот скотина! – захохотала Лейка. – Без разницы, говорит, лишь бы пожирнее!

Катя нахмурилась еще сильнее. Ей показалось, что Лейка слишком легкомысленно относится к такой серьезной ситуации.

– Карлссон-то хоть знает?

– Как видишь, – Лейка указала на Хищника. – Охрану ко мне приставил.

– А вообще что сказал?

– Да ничего. Пустяки, говорит, дело житейское.

Катя с досадой стукнула кулачком по подлокотнику.

– Ну вы даете! Это же не просто роман крутить! Дети – это ответственность! Вы когда поженитесь?

Лейка пожала плечами.

– Когда-нибудь.

– Но так же нельзя!

– А как? У Карлссона и паспорта-то нет.

Тут Катя поняла, что недооценила всю глубину Лейкиной беспечности и тролльского пофигизма.

– Как вы собираетесь жить дальше? – пораженно спросила она.

Лейка выразительно посмотрела на подругу.

До чего же эта Катюшка плохо знает жизнь! Как и на что жить – это мужские вопросы. Женщина не должна в них даже вникать. Ее дело – брать у своего мужика деньги и тратить их на тряпки и хозяйство. Попробовала бы Лейкина мама поинтересоваться бизнесом Лейкиного папы! Он бы сразу заподозрил, что она прикидывает, какой кусок оттяпать после развода...

– Нет, серьезно! – не отставала Катя. – Вы же не можете поселиться здесь!

– Да, папа не поймет, – подумав, подтвердила Лейка.

– А в квартире Карлссона вы тоже жить не сможете...

Катя вспомнила огромную заброшенную квартиру на «пропавшем этаже» ... Доска на полу вместо кровати, кучка перьев – остатки тролльских трапез. ... Положим, Карлссону совершенно все равно, где, чем и на что жить. Кормят – и славно. Не кормят – можно всегда выйти на крышу и голубей наловить.

Катя мысленно попыталась совместить этот образ с изнеженной Лейкой и ребенком... Тролленком!

Лейка пила чай, поглядывая на встревоженную Катю и явно забавляясь.

– Катюшка, уймись. Что ты хлопочешь, прям как бабушка, честное слово! У Карлссона куча денег. Сережкин папаша по наследству Селгарина каждый месяц нам отчеты присылает.

– Можно подумать, Карлссон их читает, – ядовито сказала Катя.

– Я читаю, – с достоинством ответила Лейка. – Что ты дергаешься? Купим квартиру, а лучше – особняк. Или вообще переедем в бывший пентхаус эльфа – помнишь, где тебя в плену держали?

– Допустим, – проворчала Катя. – С жильем решили. Ну а с Карлссоном что делать? Надо его как-то социализировать!

– А зачем?

– Для начала сделать ему паспорт...

– Угу. – Лейка слегка пнула Хищника. – А этому – ветпаспорт...

– А еще, – упорно гнула свое Катя, – надо найти Карлссону работу.

Она знала, что говорит дело. Ведь именно об этом ей толковала мама еще летом, когда Катя как-то раз проговорила ей про Димку.

«Только не вздумайте пожениться! – волновалась мама. – Нет ничего ненадежнее студенческих браков! Пусть сначала работу найдет! Знаем мы эти ранние браки – супруги бездельничают, а родители их кормят и с их ребенком сидят. У нормального мужчины должна быть нормальная работа...»

Но Лейка на это, похоже, смотрела иначе.

– Зачем ему работать, если у нас куча денег?

– Затем, чтобы у вас была человеческая жизнь, – с нажимом сказал Катя. – Иначе это будет так: ты целыми днями сидишь дома с ребенком одна, а муж постоянно где-то бродит – как сейчас. И ты даже не знаешь, где он и чем занимается...

Лейка поморщилась.

– Мобильник ему подарю, – неуверенно сказала она.

– А он его сразу потеряет. Нет, надо как-то интегрировать вашу семью в общество!

Хм... А хорошо сказала. Умно. Но как осуществить?

– И снова ты создаешь проблемы на ровном месте, – заявила Лейка. – У нас же скоро будет детективное агентство!

Катя хмыкнула. Мысль, что Карлссон сможет – а главное, захочет, – работать частным детективом, представлялась крайне сомнительной.

– Знаешь, – сказал Лейка, – мне неважно, какая у него будет работа. Лишь бы что-то солидное на визитке написано. В сущности, мне совершенно все равно. Главное – чтобы мой муж был добрый, ласковый, заботливый. . .

– Интересно, остались еще такие банкиры? – подхватила Катя.

В этот момент дверной проем перекрыла тень, и в комнате возник сам предмет разговора.

Именно возник, как призрак. Входная дверь была закрыта, окно тоже, и ни малейшего шороха подруги не слышали.

Знаменитый охотник на эльфов, шведский тролль по имени Карлссон, молча махнул девушкам рукой. Лейка вскочила с дивана.

– Здравствуй, дорогой! – воскликнула она несколько театрально.

«Дорогой» сел на ее место и сделал жест в сторону кухни.

Лейка повернулась к Кате, скорчила выразительную рожицу и вышла.

– Ты бы хоть поздоровался! – укоризненно сказала Катя.

– Здравствуй, Малышка, – буркнул великий охотник на эльфов.

В дверях снова появилась Лейка, торжественно неся на большой тарелке бутерброд. Это был правильный, чисто тролльский бутерброд, настоящая холестериновая бомба: булка, разрезанная вдоль, сантиметровый слой масла и кусок ветчины весом примерно в полкило. Карлссон окинул сооружение внимательным взглядом и милостиво кивнул.

– И пива принеси, – распорядился он.

– Слушаюсь, мой господин, – пропела Лейка ехидным тоном, который тролль проигнорировал. Одного тона тут было маловато. Истощенный вопль и крепкая оплеуха. . . Но для этого нужно быть троллихой. Лейка на такое была не способна, поэтому прикусила губу. Но за пивом не пошла.

– Карлссон, – сказала Катя, – извини, что отвлекаю от еды. Нужна твоя помощь.

На секунду она замялась – не очень хотелось говорить о ночном походе в Эрмитаж при Лейке. Карлссон, естественно, это заметил. И сделал Лейке знак – дескать, выйди.

К Катиному удивлению, Лейка безропотно удалилась.

– В чем дело? – спросил он.

Катя протянула ему мобильник.

– Карлссон, я влипла. Вот эти надписи надо перевести до понедельника. Попросили проконсультировать музейщики. Одна надежда на тебя!

– Я знаю не все языки на свете, – меланхолично ответил тролль.

– Ну хоть попробуй!

Карлссон бросил мимолетный взгляд на картинку и сразу вернул Кате мобильник.

– Это не язык.

– А что?

– Руны. Охранные.

– Магические надписи?

– Угу.

– И что они значат?

Тролль пожал могучими плечами, оторвал от мегабутерброда кусок и бросил Хищнику. Зубастая пасть распахнулась и захлопнулась. Молочный брат великого охотника, похоже, даже не проснулся.

– Но если ты знаешь эти руны, то почему бы тебе их не прочитать? – недовольно осведомилась Катя.

– Не могу. – Карлссон загрузил внутрь остаток бутерброда, огляделся в поисках добавки, не нашел и огорченно облизал пальцы.

– Почему?

– Ни один троль не сможет. Каракули Туат’ха Дананн (Серый коврик у Кати под ногами заворчал и облизнулся) разбирают только Туат’ха Дананн. Попробуй сама, у тебя может получиться.

– Откуда ты знаешь?

– Я чувствую, – лаконично ответил Карлссон.

– А я – нет, – огорченно сообщила Катя, которая уже взывала к «внутреннему знанию», но безуспешно. – Значит, эта вещь принадлежит высшим эльфам?

Ладно, хоть какая-то информация.

Но Карлссон опять ее огорчил.

– С чего ты взяла? Мало ли на чем Туат’ха Дананн могли поставить свои значки? Если на заборе что-то написано, это еще не значит, что писал хозяин забора. А где была надпись?

Катя вновь включила мобильник.

– На этой статуе. Видишь, вот она, крупным планом.

На этот раз Карлссон рассматривал изображение долго – чуть ли не минуту. Катя, в свою очередь, изучала невыразительное лицо тролля, пытаясь понять, что он там видит такое, чего не видит она.

Наконец он вернул Кате мобильник, огляделся и рявкнул:

– Лейка! Пиво!

– Ну, что это за статуя? – напомнила Катя.

– Дрянь, – буркнул Карлссон. – Пестрая кукла с гнилым нутром.

– А поподробнее? И почему из тебя вечно все надо клещами тянуть?

– А почему тебя вечно тянет на всякую пакость? – укорил Карлссон. – Как маленькая, честное слово! Где ты ее нашла?

– В Эрмитаже!

– Что это? Кладбище?

– Как, ты не знаешь?!

Что взять в тролля?

– Эрмитаж – это музей, – пояснила Катя. – А музей – это место, где собраны произведения искусства... Короче, всякие старинные штуки. Ценные.

– Эта кукла – не старинная и не ценная, – возразил Карлссон.

– А вот и нет! – торжествующе заявила Катя. – Мне сказали, что она и старинная и дорогая!

– Вранье, – проворчал троль. – Ей и ста лет нет. К тому же она недоделана... – подумал немного и добавил: – И это хорошо.

Катя уставилась на изображение, но ничего недоделанного не нашла. Наоборот, статуя отличалась очень тонкой, кропотливой и тщательной отделкой.

– Почему – недоделанная? И почему – хорошо?

Но Карссон уже забыл о статуе.

– Лейка! Пиво! – снова рыкнул он очень сердито. – И мяса давай! Я голоден!

Катя тоже рассердилась:

– Ну почему ты опять не отвечаешь? Почему?

– Мне эта разрисованная тухлятина не интересна, – сказал Карлссон.

– Но она интересна мне!

– Хочешь, чтобы я ею занялся? Это можно.

– Когда?

– Потом как-нибудь... Годиков через тридцать?

– Ты издеваешься?

– Почему?

– Тридцать лет!

– А куда торопиться? – Карлссон совершенно искренне не понимал, почему Катя сердится. Какая-то недоделанная статуя... Вот пиво и закуска – это важно.

– Лейка!

Появилась Лейка. Без пива. У Кати возникло стойкое ощущение, что подруга никуда не уходила. Стояла и подслушивала. Ну и ладно.

– Забыла вам сказать! – заявила Лейка. – Я Хвостова на помещение раскрутила! Ну скажите, что я – молодец!

– Молодец! – отреагировала Катя. – Какое помещение?

Лейка даже обиделась немного:

– То есть как – какое? Для нашего детективного агентства! Вот всегда так! Вертишься, как белка в колесе! Пашешь, как ёжик...

– Бегаешь, как зайчик... – меланхолично вставила Катя.

– ...И никакой благодарности! А я и название придумала. «Карлссон и нимфы». Карлссончик, как тебе? Не возражаешь?

– Пива! – рявкнул Карлссон.

– Да ну вас! – обиделась Лейка. И ушла на кухню.

А Катя вспомнила, что завтра ей опять какие-то документы подписывать – и опечалилась. Ну и на кой ей это детективное агентство? Чтобы Карлссона трудоустроить? А ему это надо? Тоска, одним словом. Вот кельтская статуя – это действительно интересно! Настоящий детектив, а не какие-то бесконечные бумажки.

Глава пятая

Нет тролля – нет проблемы

Идут по Москве ночью два тролля, старый и молодой.
– Это, – говорит старый, показывая на автомашины, – типа, консервы. Токо учти: мясо в них разное. Ты какое любишь?
– Я – пожирнее, – облизывается молодой. – Эти как отличить?
– Эти – легко. Бери, где сверху цветные лампочки мигают.

«Ха! – мысленно воскликнул Илья Всеволодович Хвостов, подписывая договор по субаренде. – Будет вам и жучка, будет и свисток – сами знаете куда!» Жаль, конечно, деньги тратить, но зато удастся собрать всех недругов в одном месте. Очень удачно, потому что иначе пришлось бы искать Карлссона по всему городу. А деньги на хорошее дело жалеть нельзя. Не в шашки играем.

Директор бросил договор на стопу «Исходящие» и с угрюмой ухмылочкой покинул кабинет. Сегодняшняя встреча должна стать важным этапом в его освобождении от позорной зависимости и от сопливой молодежи, и от их мерзких покровителей.

– Меня не будет до шести! – бросил директор преданно вскочившей секретарше и покинул свою цитадель.

Кабак, в котором была назначена встреча, располагался на Фонтанке и отличался не только качественными стейками и изрядными ценами, но и уютной тишиной, которая как нельзя лучше подходила для деловых встреч.

– Я Дварин. – Руки Хвостову собеседник не протянул, что, может, и к лучшему, потому что литровый стакан английского пива исчез в этой руке практически полностью. – Говори, чего надо.

– У меня есть конкурент... – начал Илья Всеволодович и засомневался, стоит ли продолжать. Совсем не таким он представлял себе специалиста по решению неделикатных проблем. Ему казалось, что киллер должен быть незаметным, как бы безликим... Этот же фрукт был, мягко говоря, очень приметный. Широченный, как капот крайслера, с могучей бородицей и такими же густыми патлами, квадратной, кирпичного цвета рожей... Да на такого раз глянешь, на всю жизнь запомнишь. Хотя сила в нем чувствовалась, этого не отнимешь. Но сила какая-то... животная. Как у зубра.

– Пожалуйста, ваш стейк!

Дварин насадил на вилку здоровенный кусок мяса и впился в него зубами. Розовый сок неопрятно потек по бороде. Стейк был с кровью. По сути – кусок сырого мяса, прихваченный снаружи корочкой. Как раз такой прожарки, какая нравилась Илье Всеволодовичу.

Тут только Хвостов сообразил: раз его собеседнику принесли заказ, он пришел заранее. И теперь намеревался кушать и разговаривать. А Илья Всеволодович, получается, будет смотреть, как он кушает. И сразу обозначен статус: кто слуга, а кто – хозяин.

Намереваясь переменить расклад, Хвостов взялся за меню, но Дварин буркнул невнятно, с полным ртом:

– Что умолк, продолжай!

– Так вот, конкурент, – как можно более независимым голосом произнес Хвостов. – Его надо поучить!

– Конкретнее! – недовольно пробурчал Дварин. – Убить, покалечить?

– Лучше, конечно, первое, – пробормотал Хвостов, внутренне напрягшись: если у Дварина микрофон...

– Мужик? – спросил бородач.

– Да.

– Хорошо. Имей в виду: баб мы не трогаем. Разве что... – Дварин сделал недвусмысленный жест и захохотал. Звук получился гулкий, как из бочки.

– Адрес, фото...

Хвостов положил на скатерть бумажку с адресом, на всякий случай отпечатанную на чужом принтере. И фото, сделанное «наружкой». Так себе фото, но перепутать «заказ» с кем-то другим было бы трудно.

– Знакомая рожа, – пробормотал Дварин, изучая мутный снимок. – Где-то я его видел... Бандит?

– Серьезных людей за ним нет, – быстро ответил Илья Всеволодович.

– Да мне без разницы, – равнодушно ответил бородач. – Когда?

– Желательно в пределах недели.

– Не вопрос. Деньги вперед. Полностью. Сюда. – На скатерть перед Хвостовым легла выписка с номером счета. Переведешь деньги, в течение недели – результат. Конкретный день узнаешь заранее. Я позвоню.

– Понятно, – Илья Всеволодович спрятал выписку и потянулся к меню.

– Эй! – строго прикрикнул на него Дварин. – Ты что, жрать сюда пришел? Свободен!

Илья Всеволодович был на волоске от того, чтобы вспылить, но все же удалось сдержаться. Помог, как ни странно, вид жрущего киллера. Внушительное было зрелище. Бородач рвал зубами здоровенный кусок мяса чисто по-звериному. Хвостову даже почудилось, будто процесс поглощения пищи сопровождается сдержанное рычание. И Хвостову сразу расхотелось конфликтовать. Он тихонько поднялся и тихонько вышел, утешая себя тем, что сделал правильный выбор. Если кто и сможет прикончить его зверя-недруга, то это точно такой же зверь. Илья Всеволодович представил, как широченный киллер рвет на куски уродливую зверюгу Хищника и его тупого хозяина – и негромко рассмеялся, вызвав удивленный взгляд официанта. Хищника в заказе не было, но где шведский головорез, там и его тварь. Или надо было все-таки предупредить? И выглядеть полным психом? «Знаете, уважаемый Дварин, тьфу, Дварин, у нашего клиента есть такая зверюга, ну типа оборотня из кинофильма... Так вот, она очень опасна и ее тоже надо... того».

Нет, скажи Хвостов такое, и киллер бы точно решил, что «того» сам заказчик.

Илье Всеволодовичу было бы любопытно узнать, что, расскажи он киллеру о Хищнике, тот отнюдь не посчитал бы Хвостова психом. И вряд ли согласился бы принять заказ.

Спускаясь по ресторанной лестнице, Хвостов набрал номер и распорядился:

– С мужика наблюдение снять.

– А с девочки? – поинтересовался его собеседник.

– Девчонку отслеживайте. До понедельника. А там видно будет.

Без своих защитничков Малышева – ничто. Да и сейчас – ничто, ведь не все в этом мире решается грубой силой. Куда важнее – связи...

Хвостов набрал новый номер.

– Алексей Викентьевич, Хвостов беспокоит. Тут одна фирмочка организуется...

Глава шестая Мозговой штурм

Идет эльф по лесу. Видит – холм. В холме – пещера. Над пещерой вывеска: «Гадательное агентство: „На ошибках учатся“». Под вывеской – мелкий гоблин.

– Вход – одна монета. Гадание – еще одна, – говорит гоблин.

«Почему бы и нет? – думает эльф. – Деньги у меня есть. И любопытно...»

Платит, заходит.

В пещере темнотища. У дальней стены кто-то сидит.

– Ну! – рычит. – Чего пришел?

– Погадать хочу! – мужественно объявляет эльф.

– Заплатил? – рычат из темноты.

– Ага! – пищит гоблин.

– Тогда, – новый рык. – Гадаем. Бочку у стены видишь? Ковш?

Черпни-ка из нее ковшом и попробуй!

Эльф нашел бочку, нашарил ковш, черпнул... Воняет, однако. Но колдовские снадобья почти всегда вонючие... Пригубил, прислушался к ощущениям...

– Ну и дрянь! – воскликнул он. – Натуральное тролльное дерьмо!

– Угадал! – гогочут из темноты. – Еще гадать будем?

Раз уж расшифровать надписи на статуе не удалось, Катя решила сама никому не звонить – не позориться. Насчет начальника Северо-западного отдела она и не обольщалась. Катя ждала звонка от Нафани, но и тот куда-то исчез.

«Ну и ладно», – решила Катя, слегка обиженная. В конце-то концов, какое ей дело до искусствоведческих тайн? Пусть сами разбираются со своей дурацкой статуей! У Кати и без них дел хватает.

Например – детективное агентство. Оно еще не успело открыться и не принесло ни копейки, но уже отняло кучу времени и сил. Катя в затею не очень-то верила и считала, что практическая польза от неё только одна – пристроить к делу Карлссона. После возвращения из Швеции он стал еще более угрюмым и замкнутым, чем раньше. Своими планами – если у него таковые имелись – не делился. Кажется, собирался и дальше жить в Питере, есть, пить и бездельничать. Про Ротгара он будто бы забыл. Катю это удивляло и даже слегка беспокоило. Неужели Карлссон, после всех пережитых мучений, стал его бояться? Только этого не хватало!

«Ничего, вот появятся клиенты, пойдут дела – глядишь, Карлссон и развеется», – подумала Катя, окидывая одобрительным взглядом любезно выделенное Хвостовым помещение. Офис был хоть и в центре города, но вид имел не очень престижный. Отнюдь не евроремонт, и выход в заставленный машинами дворик. Зато под окнами рос шиповник, и места внутри хватало: целых четыре комнаты. Небольшой холл (он же – приемная), просторный кабинет директора (то есть – Кати), маленький закуток-бухгалтерия и большая спальня. «Комната отдыха и релаксации», – как ее окрестила Лейка. Она вообще очень активно наводила в офисе уют. Например, заставила подоконники цветами в горшках. Еще были санузел и большая кухня с гигантским холодильником, немедленно снявшим горячую привязанность Карлссона. Словом, в распоряжении агентства оказалась обычная четырехкомнатная квартира на первом этаже. Не бизнес-центр, но для немногочисленных сотрудников агентства более, чем достаточно. В их число входили двое официальных учредителей: Катя и Коля Голый, три «детектива» – Шурин, Баран и Чара, а также Лейка и приходящая старушка-бухгалтерша, родствен-

ница Лейки, которая легко могла поместиться за пазухой любого из «детективов», приди им в голову такая блажь.

Генеральным директором почти единогласно (один голос – против) выбрали Катю. Голос «против» был ее собственным. Николай Иванов (он же Коля Гольй) был назначен на должность заместителя генерального директора по общим вопросам. Лейка стала коммерческим директором.

Карлссон в «штат» не вошел, потому что – без документов. «Специалист по решению проблем!» – ехидно обозвал его Шурин. Карлссон не возражал. Его больше интересовало обнаружившееся в холодильнике пиво.

Хищника, понятное дело, в штатное расписание тоже не вносили.

– Собрание учредителей и детективов объявляю открытым, – откашлявшись, объявила Катя. – На повестке дня один вопрос. Один, но важный! Надо придумать название для нашего агентства.

– А разве его нет? – спросил Шурин. – Как же тогда документы подавали?

– По документам мы – ООО «Престиж-Детектив», – пробасил Коля.

– Ну так пусть так и остается. Солидно и по сути.

– Нет, – вмешалась Катя. – Это скучно. Надо что-то яркое... Вроде «Шаманамы»... Лейка вот предложила: «Карлссон и нимфы»...

Баран, Шурин и Чара дружно расхохотались.

– Ах ты моя сладенькая нимфа! – Баран похлопал Чару по небритой щеке.

– Не лапай меня, нимфетка развратная! – отпихнул его Чара.

И они загоготали еще громче.

– Хватит ржать! – сердито крикнула Катя. – Вопрос серьезный!

– Лично мне все равно, – сказал Баран, когда будущие детективы наконец успокоились. – Как хотите, так и называйте. Я сейчас бы выпил.

– Действительно, – кивнул Коля. – Катерина, если есть варианты, излагай. И поедем отмечать. Выношу на повестку дня: кто за то, чтобы провести совещание в «Шаманаме»? Так... Практически единогласно!

– Я против! – решительно возразила Катя. – Делами надо заниматься на работе!

– Ну так предложи чего-нибудь.

– И предложу. Что-нибудь нейтральное, но позитивное. – Катины мысли сразу обратились в сторону филологии. – Например, агентство «Диалог»!

– Лучше тогда «Эпилог», – заметил Чара.

– А я слоган придумал, – подхватил Шурин: – «Тащите деньги, и мы напишем о вас последнюю главу!»

Байкеры снова заржали. Катя возвела глаза к потолку.

– Все б вам шуточки... Ну, не хотите филологическое, можно из мифологии. «Марс» там... Или «Меркурий»...

– «Харон», – предложил Чара, демонстрируя уникальную для байкера эрудицию.

– Это кто? – хором спросили остальные трое.

– Перевозчик душ на тот свет, – объяснила Катя, бросив на Чару сердитый взгляд.

– О, слоган! – тут же влез Шурин: – «Отправьте ваших врагов в последний путь!»

– Если перевозчик, – наморщив лоб, сказал Баран, – тогда это скорее для логистиков. А звучит ничего себе, солидно.

– Да ну вас! Кто к нам пойдет с таким-то названием?

– Тот, кто мифологии не знает, – резонно сказал Чара. – То есть – большинство.

– Ты лучше что-нибудь позитивное сочини.

– Агентство «Милосердие», – секунду подумав, предложил байкер. – «Окончательный расчет с присущим нам гуманизмом»!

– При чем тут милосердие? – удивилась Катя.
– А был такой стилет. Им врагов добивали...
– Только на чернуху фантазии хватает, – с досадой сказала Катя под общее гоготание. – Ребята, давайте что-нибудь светлое, жизнеутверждающее! Не «Последний путь», не «Финальный отсчет»...
– Что может быть светлее милосердия? – пробормотал Чара.
– «Свет в конце тоннеля!» – родил Шурин. – Могу и слоган... «Мы откроем вам глаза!»
– Можно добавить «на!» – предложил Баран, который тоже хотел поучаствовать в мозговом штурме.
– «Глаза, на»?
– Лучше «Глаза, нах!» – развеселился Шурин. – «Закроем глаза, нах!» Агентство «Нянька» – «Закроем глазки вашим врагам!» – Шурин определенно был в ударе.
– А вот еще слоган, – влез Чара. – «Мы надежнее, чем банк: они деньги хранят, а мы – возвращаем!»
– Да при чем тут деньги! – воскликнула Катя, перебивая одобрителное ворчание. – Мы же не рэкетом заниматься собираемся!
Три «детектива» обменялись мерзкими усмешками.
– Мы – детективы! Будем искать ... ну, пропавших людей...
– «Вернем деньги, надежду, любимого мужа...» – подкорректировал Шурин.
– За это надо выпить! – ухмыльнулся Чара.
Катя тяжело вздохнула.
– Хватит глумиться! Собрались, перестали ржать и высказываем реальные варианты! Ну? Пока не придумаем, никто никуда не уйдет!
В помещении застыла мертвая тишина.
– Да ну вас, – обиженно сказала Катя.
В офисе вновь грохнул хохот.
Катя вскочила и в ярости выбежала за дверь.
– Босс, вы куда? – крикнул вслед Шурин. – А как же: никто никуда не уйдет?
– Ладно, закончили треп, – вмешался Коля. – На правах зама заседание объявляю закрытым. Шурин, догони директора, и поехали ко мне. Я приглашаю!
Вернули Катю, закрыли офис, загрузились на байки и в Колин джип и покатали в «Шаманаму».

Катя не была в «Шаманаме» с лета и с удовольствием обнаружила, что заведение стало несколько респектабельней. Во всяком случае – снаружи. Вместо дохлого плакатика над входом красовалась яркая вывеска с бородатым байкером в бандане, улыбавшимся во всю волосатую пасть здоровенной пивной кружке.

Впрочем, текст под вывеской не изменился, разве что теперь он был не накарയാбан маркером, а напечатан на принтере.

«У нас весело! – сообщалось на листке. – По выходным – кик-бокс! По понедельникам, вторникам и четвергам – чисто мужские забавы! По средам и пятницам бьют в бубен!»

Сегодня была среда.

Спустя пару часов Катя узнала, как именно бьют в бубен в «Шаманаме». Кулаком. Честно сказать, она немного удивилась. Зато ничуть не удивилась тому, что призовой бочонок пива получил Карлссон. Еще она удивилась тому, как трогательно ухаживали за ней Шурин и Чара. И какие гримасы строили тем, кто пытался за Катей приударить. Катя просто растрогалась. Честно сказать, она не рассматривала зверовидных байкеров как потенциальных кавалеров.

Надо полагать, и они ее – тоже. И дело было не в том, что она теперь – их начальница. Какая из нее начальница, если подумать? Скорее, младшая сестренка.

Катя подумала, что бы сказали родители, увидев ее в такой компании? Мама, наверное, сразу за сердце схватилась... А папа, пожалуй, постарался бы ее увезти домой... В смысле, совсем домой, в Псков.

И наконец в четвертый раз Катя удивилась, когда потрогала Чару. Вернее, не тому, что потрогала, а результату.

Дело в том, что Чара был из тех, кто сыграл в настоящую мужскую игру «в бубен», и от этой игры у него на скуле вздулся желвак размером с грецкий орех. Чаре было наплевать на травму, но Катя вдруг, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, взяла и провела по желваку пальчиком. И не просто провела, а начертила снизу вверх (опять-таки чисто по наитию) коротенький зигзаг. Буквально через несколько минут от опухоли осталось только небольшое красное пятнышко. Впрочем, может шишка и сама прошла. Катя не настолько хорошо разбиралась в медицине, чтобы сказать определенно.

Ложась спать, Катя снова вспомнила о статуе, ласково названной Карлссоном «разрисованной тухлятиной», и решила завтра непременно заняться расшифровкой таинственных надписей.

То есть сначала – в универ, потом в агентство, а там, с помощью Интернета и Карлссона... Ах, мечты, мечты...

* * *

В эту самую ночь, когда Катя досматривала уже третий или четвертый сон, три сногшибательные девицы вошли в вестибюль гостиницы «Кемпински», дорогого отеля, расположенного на Мойке прямо напротив Эрмитажа.

Выглядели девицы под стать холлу: одеты по высшему разряду – будто только что из бутика. Сплошные брэнды, с которых минуту назад срезали ценники. Три девицы, – брюнетка, блондинка и шатенка, – продефилировали к стойке.

– Мальчик, мы бронировали люкс-эксекьютив, – на отменном английском сообщила блондинка вылощенному портье, который был старше ее минимум вдвое. И бросила на стойку кредитку.

Ожерелье на ее шее – из редчайших желтых алмазов искусной огранки. Каждый камень не меньше четырех каратов. Портье заценил. Он знал толк в драгоценностях – в его профессии это важно.

– Минутку, леди!

Портье нырнул в компьютер и выпучил глаза: брони не было.

– Прошу прощения, леди... – проямлил он, встретился взглядом с блондинкой и...

– Разумеется! Немедленно! Вас проводят!

Блондинка сцапала со стойки кредитку и уронила в сумочку. Если бы в холле гостиницы был кто-то, способный проследить полет кредитки в недра сумочки, то он бы очень удивился, потому что коснувшись шелкового нутра сумочки, «платиновая» виза мгновенно превратилась в обычную визитку отеля.

Глава седьмая

Мытари и мытарства

«Если ты никого не боишься – значит, ты самый страшный!»
Трольская мудрость

– Там из налоговой звонят!

Взгляд у бабульки – бухгалтерши был как у мартышки, углядевшей над собой вместо привычной ветки голову анаконды.

– У нас что-то не так? – поинтересовалась Катя.

– Всё, всё так! – поспешно ответила бухгалтерша.

Она и впрямь была похожа на мартышку: маленькая, седенькая, личико сморщенное, глаза круглые. Но Лейка, которой бабуся приходилась троюродной тетей, очень старушку нахваливала.

– Тогда что им надо? – отрываться от компьютера Кате совсем не хотелось.

– Желают с директором поговорить.

Катя взяла трубку:

– Здравствуйте, я вас слушаю.

– Молодец, что слушаешь, – похвалил ее мужской вальяжный голос. – А теперь дай-ка своего босса.

– Какого босса?

– Ты что, дурочка? – удивились на том конце трубки. – Директора давай.

Катя с трудом удержалась от достойного ответа. Догадывалась, что с налоговиками лучше не ссориться.

– Я директор, – ровным голосом произнесла она.

– Да ну? – Ее собеседник хрюкнул. Вероятно, это означало смех. – Ну раз ты директор, то и вопрос тебе. Налоги платить будем? Или как?

– Какие налоги? – удивилась Катя. – Мы же только зарегистрировались. Все документы отправили. Насколько я знаю, отчетный период...

– Ни хрена ты не знаешь, *директор!* – нагло перебил ее вальяжный. – Подъезжай к нам, на Мытнинскую. Мы тебе все объясним.

– Простите, с кем я говорю? – вежливо поинтересовалась Катя.

– Бровко Валерий Иванович меня зовут, – не стал запираться Катин собеседник. – Региональное управление по содействию малому и среднему бизнесу и оптимизации налогообложения. Жду тебя, директор, завтра к четырнадцати... – он продиктовал адрес. – Поняла?

– Поняла, – ответила Катя и повесила трубку.

Разговор ей очень не понравился. Неправильный разговор. И собеседник какой-то неправильный. По ее мнению, представители государственной службы не должны были так разговаривать. Впрочем, опыта работы с госслужащими у нее не было. Зато были друзья.

Поэтому горевать и тревожиться Катя не стала, а взялась за телефон и организовала экстренное совещание.

В совещании участвовали: сама Катя, Лейка, Карлссон, седенькая бухгалтерша, два «штатных» детектива Шаман и Чара (Барана на совет не пригласили – какой из него советчик!) и, естественно, второй соучредитель, Коля Голый.

Он же и взял слово.

– Пробивка, – заявил он уверенно. – По документам у нас все чисто, – бухгалтерша быстро-быстро закивала, – значит внаглую хотят на деньги развести.

- Как это? – удивилась Катя. – Они что, бандиты?
- Типа того, – Коля криво усмехнулся. – Ехать тебе куда не надо. Посади ее, – кивок в сторону Лейки, – типа как секретарем. Пусть скажет, что ты заболела. А я тем временем разведую, что да как. Есть у меня человечек нужный. Заплатить все равно придется, но нужно точно знать – сколько и кому.
- То есть – дать взятку? – уточнила Катя.
- Это жизнь, – Коля пожал могучими плечами. – Не подмажешь – не поедешь. Да это и выгодней, чем реально все налоги платить.
- Я бы предпочла платить налоги, – огорчилась Катя.
- Тебе придется платить и то, и другое, – сказал дальний потомок троллей и погладил Катю по хрупкому плечу. – Да не печалься ты, Малышка, я все разрулю, мы же партнеры!
- Голый, – внезапно подал голос Карлссон. – Верно ли я понял, что этот мытарь хочет нас обокрасть?
- Мытари – это кто?
- Налоговики, – «перевел» старинный термин Коля.
- Ну не то, чтобы обокрасть... – Коля погладил бритую голову. – ... Но типа того. Заплатить, однако, придется. Иначе проверками замучают. Поди тогда докажи, что ты белый и пушистый. Поверь мне, брат, заплатить намного проще... И дешевле.
- Если волк повадился таскать овец, – негромко, но веско произнес Карлссон, – то не успокоится, пока не перетаскает стадо. Так у нас раньше говорили. И это правда.
- Что ты конкретно предлагаешь? – нахмурился Коля.
- Как что? – Карлссон даже удивился. – Убить волка.
- Шаман хлопнул Чару по спине и ухмыльнулся. Логика Карлссона пришлась ему по душе.
- Круто берешь, – не одобрил Коля радикальную методику тролля. – Этот инспектор – просто пешка. Один из... из...
- Стаи, – подсказал Карлссон. – Так за чем же дело стало? Давай всех уьем.
- Запаримся убивать, – буркнул Коля. – Тебе хорошо: грохнул – и свалил. А нам здесь жить.
- Ну и живи. Кто тебе мешает?
- Система, – грустно сказал Коля. – Одного завалишь – трое других придут. И каждому – надо жрать в три горла. За себя, за начальство и – за того парня! – Коля ткнул толстым пальцем в потолок.
- Карлссон поглядел вверх, словно хотел увидеть сквозь потолок и перекрытия «того парня» на крыше. Потом вздохнул и сказал:
- Так что, нельзя убивать?
- Нельзя, – покачал головой Коля.
- А припугнуть?
- Как? – Коля вздохнул. – Над нашим Бровко – другой такой же. А над ним – еще один. Я же сказал – Система.
- Стая, – кивнул Карлссон. – Так давай сразу вожака пугнем.
- А вот это правильно! – поддержала Лейка. – Покажем дяде Хищника...
- Стоп! – вмешалась Катя. – Хищника показывать нельзя. А вот напугать – это хорошая идея. Надо только узнать, кто там у них начальник. Вопрос – как?
- Как – это не проблема, – пробасил Голый. – Дайте мне часика четыре – и я все узнаю. Имя, фамилию, домашний адрес. Делов-то.
- Договорились, – вынесла вердикт Лейка. – Коля узнает, кто там у них начальство и где обитает, а Карлссон проведет...это... акцию запугивания!
- «Излагает, прямо как Скаллигрим», – подумала Катя, но возражать не стала.
- Как, Николай, нет возражений?

– Поглядим, что за тоннаж будет на том конце провода, – осторожно ответил хозяин «Шаманамы». – Тогда и порешаем.

На том и сошлись.

И разбежались. Коля – выяснять, Карлссон – кушать, а Катя – читать пропущенную лекцию.

Но грозным Бровко число мздоимцев не ограничилось. Ближе к вечеру в маленький офис наведалься пожарная инспекция. В лице (а вернее сказать – в морде) солидного и очень важного джентльмена с пористым картофелеобразным носом, оттопыренными ушами и игривой челкой пятиклассника. Костюм у инспектора, впрочем, был вполне респектабельный.

«Инспекция» ходить вокруг да около не стала, а сразу обозначила цену ежемесячного взноса.

«Пожарником» занялся Карлссон. Он сходу почувствовал в нем родственную душу, подмигнул Кате, взял инспектора за локоток и поволок на кухню. Противиться троллю было так же бессмысленно, как бороться со снегоуборочной машиной. Потрясенный натиском, «пожарник» даже испугался. Но воспрял, когда увидел на столе бочонок шведского пива. Поднабравшийся приличных манер Карлссон дырять бочонок пальцем не стал, а воспользовался краником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.